

Виктория Мальцева

ПРИТЯЖЕНИЕ

**Будь
рядом,
когда я
умру**

Виктория Мальцева

**Притяжение. Будь
рядом, когда я умру**

«Автор»

2023

Мальцева В.

Притяжение. Будь рядом, когда я умру / В. Мальцева — «Автор»,
2023

Мэтт однажды обидел хорошую девушку, друга детства, а если верить его прозорливой матери, то и вовсе – свою судьбу. Но он не представлял реальных последствий. Ива становится случайным свидетелем аварии и по браслету на руке узнаёт в погибающем мужчине того, кого когда-то любила. Перед ней выбор, кого спасти: Мэтта, его жену или ребёнка? Иногда любовь приходит не сразу. Бывает, ей нужно не просто время, а годы, чтобы достучаться. Главное, чтобы не целая жизнь.

© Мальцева В., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1. Будь рядом, когда я умру	5
Глава 2. Эва	10
Глава 3. Маттео	16
Глава 4. Благие намерения	18
Глава 5. Свидание	22
Глава 6. Человек, который продал мир	27
Глава 7. Встреча	38
Глава 8. Милосердие	41
Глава 9. Отношения	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Виктория Мальцева

Притяжение. Будь рядом, когда я умру

Глава 1. Будь рядом, когда я умру

Это случилось в конце февраля, а именно, двадцать девятого числа. Впрочем, произойди оно в любой другой день, Ива и его бы запомнила на всю оставшуюся жизнь.

Она возвращалась от пациента по кличке Туни, и на душе у неё было тяжело: лечение не помогало, и теперь любимицу её друга Бена наверняка придётся усыпить, потому что лошадь без ноги – это всё равно что мёртвая лошадь.

У Ивы зазвонил телефон.

– Ива, что ты сегодня ела? – донеслось из трубки вместо приветствия.

– Мама!

– Что?

Спустя заполненное отдалённым гулом двигателя время, голос на том конце продолжил:

– Да-да, я помню: «так я делаю только хуже, твой вес уже давно в пределах нормы, хоть и в крайне нижних её границах, невзирая даже на то, что ты делаешь всё возможное, а ты, моя взрослая дочь, уже давно созрела нести ответственность за свою жизнь самостоятельно, а моё нытьё только добавляет тебе желания на всё забыть». Но хочу тебе напомнить, моя дорогая, что понять меня тебе было бы проще, стань ты сама матерью. А какой, скажи на милость, здравомыслящий здоровый самец глянет в твою сторону? Нам ли с тобой не знать, людям, изучавшим так досконально биологию, что ему, этому самцу, как и тебе самой, интуитивно понятно: выносить и родить с таким весом ты не способна!

– Мой гинеколог придерживается иного мнения.

Из динамика донёлся усталый вздох.

– Ива, девочка, просто расскажи, что ты сегодня съела, если не хочешь, чтобы на моей смене сегодня кто-нибудь умер.

Ива тоже вздохнула, и не менее устало, хотя в её сожалениях о жизни было больше надежды, чем обречённости, в отличие от матери.

Было около четырёх часов вечера, до сумерек ещё оставалось время, но пейзажи, проплывающие мимо окон её новенькой Теслы уже приняли тот унылый вид, который свидетельствует о скором приближении ночи.

– Яблоко и круассан, – ответила она.

Мать, помолчав, скрипнула зубами. Ива это отчётливо услышала.

– Ива... ты издеваешься?

– Круассан был щедро смазан Филадельфией, мам. Ты знаешь, сколько это калорий? Кроме того, было ещё как минимум парочку латге, а в них, помнится, по сто пятьдесят в каждом. Это куда как больше, чем получают нормальные люди.

Да, Ива признавала себя ненормальной. Она не отрицала диагноз и не противилась лечению, но её раздражали вопросы матери о том, сколько калорий она съела за день. К раздражению добавлялся ещё и неуютный пейзаж за окном – Ива всей душой стремилась поскорее проехать это место.

Ей не нравились лиственные деревья, точнее не они сами, а торчащие из земли или талого снега серые стволы и ветки. Они навевали на неё тоску. А вот ели, пихты, лиственницы, высокие североамериканские кедры определённо были её стихией. Всякий раз, проезжая по улице, усаженной еловыми великанами, она неосознанно замедляла ход, а бывало даже, что и вовсе останавливалась. Если удавалось найти свободное парковочное место, она выходила из

машины и всей грудью вдыхала холодный, прозрачный, хвойный воздух Британской Колумбии: она никогда больше не уедет отсюда. Никуда и никогда.

В этой части Порта Кокуитлама елей не было вовсе. Даже домов, которые всегда действовали на неё успокаивающе, не было. Объездная дорога петляла вдоль ручья и лесополосы, уродливо заросшей дикой ежевикой и рубусом. Машина сама собой набирала скорость, и ей приходилось то и дело бросать взгляд на спидометр, чтобы не превысить лимит. Здесь он, кстати, был чуть выше, чем в городе, но новенькая машина ползла, как улитка – так, по крайней мере, казалось Иве.

– Как тебе машина, кстати? Ты довольна?

Ива улыбнулась, скользнув взглядом по ещё пахнущей новым пластиком торпеде и вмонтированному в неё монитору. Она ещё даже толком не разобралась во всех функциях, опциях и настройках, и именно предвкушение этого наполняло её воодушевлением и таким чувством, с каким дети распаковывают Рождественские подарки.

– Да, отличная, – не без удовольствия заявила она.

– Ренди утверждает, будто бы они не такие уж и надёжные... в долгосрочной перспективе.

Не считая вопросов о наболевшем, её мать никогда не была занудой, они прекрасно понимали друг друга, а потому на взаимоотношения с ней было грех жаловаться. А вот, у Ренди – нового бойфренда матери – имелась невыносимая привычка всё критиковать.

– Ладно, мам. Давай. У меня трубка садится. Да... почти села уже.

Иконка батареи на экране и в самом деле показывала один процент заряда.

– Лучше бы ты новый телефон купила, – упрекнула мать и не без оснований. – Ну, хорошо. Береги себя. И серьёзно поешь, когда доберёшься до дома. И перед сном ещё разок!

Ива в очередной раз вздохнула и отключила звонок.

Мимо пролетел большой внедорожник, чёрный, словно катафалк. Вот он уж точно превышал скорость. Ива, как человек искренне удивлённый и возмущённый, даже автоматически взглянула в зеркало заднего вида.

Дорога была не прямая, поэтому взгляд её быстро вернулся к петляющему впереди машины дорожному покрытию. Она только покачала головой, но осудить безрассудность водителя не успела – позади послышался звук, напоминающий нечто среднее между хлопком и скрежетом. Он был настолько громким и зловещим, что Ива вздрогнула и снова посмотрела в зеркало.

Дорога хоть и не была прямой, машина ещё не успела скрыться за очередным поворотом, и перед взором Ивы отчётливо предстала картина только что произошедшей автокатастрофы: поперек дороги лежал небольшой белый грузовик – один из тех, на которых особенно экономные граждане, переселяясь, перевозят свои вещи, а в кювете виднелась та самая чёрная машина. Она стояла, точнее, лежала вверх тормашками, перевернувшись, очевидно после столкновения с грузовиком, и все её четыре колеса продолжали бешено крутиться.

Нога Ивы автоматически выжала тормоз.

Ива не была врачом, но она всю свою жизнь лечила животных. И как человек, привыкший помогать и спасать, бороться с болью, болезнью и увечьем, не могла просто позвонить в 911 и уехать по своим делам.

Пока одна её рука разворачивала машину в направлении аварии, другая набирала заветные цифры. Впоследствии Ива очень ругала себя за то, что всегда пренебрегала новшествами, и не попросила позвонить в службу спасения Сири. Эта функция и вовсе была отключена на её устройстве.

Послышались длинные гудки, за ними женский голос на том конце провода, однако экран телефона вначале замер, потускнел, а затем и вовсе потух.

Ива не могла поверить своим глазам. Именно в тот момент нелепость и абсурдность произошедшего вызвали в ней такую бурю разочарования, что на глаза, которые никогда не пла-

кали, внезапно накатили слёзы. Она понимала, что их причина – беспомощность. А где беспомощность, там всегда неуправляемый страх.

Едва её машина поравнялась с чёрным внедорожником, Ива выскочила и устремилась в кювет. Колючие ветки рубуса обжигали шипами её ноги, но она этого не замечала, потому что неудача с телефоном пробудила в ней вулкан сопротивления всему, что мир собрался ей противопоставить. И ей даже было наплевать на то, что сидящий у обочины водитель грузовика постепенно приходил в себя после произошедшего и самое важное, что ей нужно было бы сделать, это попросить его позвонить в службу спасения.

Колёса перевернутого вверх ногами внедорожника неистово крутились, издавая скрежещущий по нервам звук. На долю секунды Ива задумалась, может ли машина взорваться, и насколько опасна ситуация для неё самой. Где-то на задворках памяти вспыхнули и быстро исчезли слова Ренди о том, что машины взрываются только в кино. Ива чаще не верила тому, что он говорит, чем верила, но продолжила вприпрыжку приближаться к машине.

И уже метрах в пяти от внедорожника она отчётливо услышала детский плач. Это был даже не плач, а, скорее, его обрывки, как если бы младенец до такой степени заходился в истерике, что его спазмированные мышцы гортани препятствовали связкам как положено делать свою работу.

Первым делом Ива опустилась на четвереньки и стала заглядывать в окна. Лобовое стекло было сильно повреждено – в нём зияла дыра, а то, что от него осталось, было испещрено таким количеством трещин, которые не позволяли видеть сквозь него. Стекло двери со стороны водителя выглядело не многим лучше, поэтому Ива бросилась к противоположному со стороны пассажирского сидения. С этой стороны сработала подушка безопасности, но Ива смогла разглядеть только затылок женщины – она была без сознания.

Крик ребёнка доносился с заднего сидения машины. Ива подёргала за дверную ручку, но, как и следовало ожидать, задняя дверь была заблокирована – родители часто так поступают. Она бросилась к противоположной стороне машины, однако и здесь её ждала неудача. Прижавшись ладонями к тонированному стеклу, Ива смогла разглядеть ребёнка. На вид ему было около года, возможно, чуть больше. Закреплённый пятиточечными ремнями он походил на парашютиста, только вместо парашюта за его спиной висело детское автокресло. У ребёнка не было ни крови, ни каких-либо видимых повреждений.

Мозг Ивы, привыкший анализировать входящие данные со скоростью света и почти так же быстро принимать ответственные за жизнь и здоровье решения, определил ребёнка как наименее пострадавшего. Удар от столкновения почти полностью принял на себя водитель – об этом говорила вмятина в левой передней части машины. С той же стороны находилась и дыра в стекле.

Ива натянула рукав на ладонь, сжала её в кулак и попробовала выбить остатки повреждённого стекла. Куда удобнее было бы сделать это ногой, но она боялась навредить водителю.

Стекло плохо поддавалось её ударам, на удивление оно оказалось не хрупким, а словно прорезиненным. Сумев отделить небольшой его фрагмент, Ива просунула в отверстие голову и ужаснулась: её предположение оправдалось – сильнее всех пострадал водитель. Из видимых повреждений самым серьёзным была рана на его груди. Кровотечение было настолько сильным, что залило всё лицо висящего вверх-ногами человека. Ива сразу определила, что это ранение смертельно. Как быстро бы ни ехала машина спасателей, этот человек до больницы не доживёт.

Ива не была сентиментальной. Она просто родилась такой: всегда сфокусированной, чётко знающей чего хочет, умеющей принимать быстрые решения и никогда не тратить время и силы попусту. Всё её детство мать повторяла: «Ива, ты родилась хирургом». Спустя годы, став взрослой, Ива, пожалуй, с ней согласилась бы. Хладнокровная, всегда собранная, «вещь в себе» именно она могла бы стать тем уникальным врачом, который способен творить чудеса.

Собственно, она им и стала, только пациенты её не люди, а коровы, козы, кошки и собаки, попугаи и прочие домашние питомцы.

Трезво и даже в некоторой степени профессионально оценив ситуацию, Ива приняла решение первому помочь ребёнку. Первому, это всё равно, что единственному, поскольку оказать помощь всем троим Ива не смогла бы, даже если бы очень этого захотела.

Она успела отвернуться, обдумывая, как будет выбивать стекло, чтобы вытащить ребёнка, однако что-то её останавливало. Ива обернулась и ещё раз посмотрела на водителя. Ничего важного не обнаружив, хотела было заняться ребёнком, как вдруг её глаза зацепились за запястье мужчины: на нём виднелся красный шнурок, точнее, тонкий браслет, сплетённый из красной нити – ручная работа.

Ива автоматически перевела взгляд на лицо пострадавшего.

Объективно в месиве из крови и плоти разобрать черты некогда знакомого ей человека было почти невозможным: во-первых, слишком много лет прошло с тех пор, как она видела его в последний раз, а во-вторых, лицо человека было не просто окровавлено – на скуле зияла открытая рана, и Ива с хладнокровием медика могла бы отметить видимую в рассечении кость, если бы её сердце не было сжато в тиски страхом о том, кого она когда-то знала. Знала она этого человека всем своим существом, всей своей сутью.

Её нога изо всех сил была по стеклу даже прежде, чем сама она могла осознать, что делает. Вся её рациональность, как и прагматизм, остались где-то в другом измерении, там, где она преуспевающий ветеринар, владеющий собственным бизнесом, полностью выплативший образовательный кредит и уже успевший обзавестись отдельно стоящим домом, хоть и купленным в моргидж, но в эти сложные времена даже при таких активах Ива считалась чемпионом в гонке на выживание.

Её движения были то слаженные и хладнокровные, то рваные и горячечные, местами неуверенные, но она ни на секунду не останавливалась, не мешкала. Ремень безопасности никак не отстёгивался и не отпускал искалеченное тело водителя. Ива в панике даже успела покрыться испариной, но почти сразу обнаружила и решение – брелок с перочинным ножиком, с которым она никогда не расставалась, а друзья и близкие часто подтрунивали над ней – какая ещё девушка всегда держит при себе нож?

Только Ива знала, почему он всегда при ней. А теперь, когда её дрожащие руки срезали ремни и счёт жизни шёл на минуты, давний потёртый от времени брелок приобретал совсем иной смысл.

Когда Иву спросят, откуда в ней – человеке, годами живущем с ненормально низким индексом веса – взялись силы тащить из оврага и затаскивать на заднее сидение собственной машины крупного зрелого мужчину, она не сможет ответить. Но её никогда не спросят о том, где же, во имя всех святых, она взяла силы, чтобы своими тонкими и торчащими из рукавов, словно тычинки, руками гнуть покорёженный металл, зажавший левую ногу человека в капкан, потому что она никому и никогда не расскажет, чего на самом деле ей стоило спасти жизнь, которая по всем канонам мироздания была обречена. Ива с такой силой тогда вцепилась ладонями в проклятый металл, что местами порезала собственные ладони и пальцы, но идею бить по нему ступнёй отменяла сразу же – так она могла нанести ноге и без того израненного человека новые раны.

Водитель грузовика всё ещё сидел на краю обочины. Его рука была сломана в предплечье – это было легко определить, судя по тому, как неестественно она была изогнута и по трещинам, образовавшимся на коже.

– Позвоните в 911! – что есть мочи крикнула ему Ива.

Человек кивал головой, словно болванчик, и Ива ему верила. Просто в тот момент у неё не было возможности не верить ему – она не могла остановиться, отвлечься ни на секунду.

Ива была тем человеком, который успел познать в жизни больше, чем следовало бы. Все мы получаем свою долю испытаний, но именно Ива оказалась тем, кто точно знал, не только где находится ближайшая больница, но и сколько минут необходимо, чтобы до неё добраться.

У её пассажира на заднем сидении минут не было, у него были секунды. И эти секунды Ива сэкономила, как могла.

Её новенькая Тесла, наверное, даже в тест-драйвах ещё не разогонялась так быстро с момента старта. К моменту выезда на загруженное шоссе спидометр показывал 120 километров час. Никто кроме Ивы не ехал с такой скоростью, и она, скрипя сердце, была вынуждена понизить обороты. Она объезжала другие машины и слева, и справа, не обращала внимания ни на сигналы, ни на ругательства, летевшие ей в след.

Приблизившись к железнодорожному переезду в Порте Кокуитламе, который ненавидели все местные жители, она просчитала свои действия наперёд задолго до обнаружения первых признаков проблемы. Завидев небольшое скопление машин у переезда, Ива сразу предположила худшее – скоро появится поезд. Поезда в этом месте проходили только грузовые и вагонам их, как и цистернам с надписями CANADA, PENNSYLVANIA, TEXAS не было конца. Именно поэтому жители Трисити, куда входили три местных городка, и ненавидели железнодорожный переезд – поезда случались не только часто, но и ждать приходилось минут по двадцать, пока десятки вагонов проедут по своим делам.

Ива выехала на встречную полосу – это было безопасно, поскольку машины уже стояли за шлагбаумом на противоположной стороне железной дороги, проскочила пути, едва не потеряв колёса, и спокойно вынырнула со своей полосы. Как же хорошо, подумала она, что шлагбаум перекрывает дорогу только со стороны полосы движения, иначе бы ей пришлось въехать прямо в него, а это, скорее всего, разбило бы ей лобовое стекло, и как бы она ехала, стань оно таким же непроглядным, как у пострадавшего внедорожника?

Из-за вставшего переезда дорога была свободна почти до самой больницы, и, уже подъезжая к ней, Ива объехала стоявшие на светофоре машины по тротуару. Она не обращала внимания на крики водителей и пешеходов – в её ушах до сих пор гудел утробный рык паровоза, перед носом которого она проскочила на своей небесно-голубой с перламутровым отливом Тесле.

Ива выскочила из машины, не глуша двигатель, не заботясь о брошенной настежь двери, влетела в приёмный покой скорой помощи и буквально из последних сил прохрипела:

– В моей машине умирает человек! Автокатастрофа! Носилки, срочно! Вызовите три машины скорой помощи на пятое шоссе, второй съезд на второстепенную... неподалёку от Лантернс... жилой комплекс... не доезжая... там на обочине всё увидят!

Глава 2. Эва

7 лет назад

Мэтт стоял, прижавшись лбом к холодному кафелю душевой и старался концентрироваться на собственном дыхании, а точнее на том, как медленно, но верно оно успокаивается и приходит в норму.

За всю его не короткую, но и не такую уж долгую жизнь, это был её наихудший период. Так паршиво, как сейчас, он ещё никогда себя не чувствовал.

Впрочем, душ помог если не поднять настроение, то хотя бы частично снять напряжение, которое, собственно, он сам же себе и обеспечивал.

Слегка обтерев бёдра полотенцем, но, по своему обыкновению, не вытираясь насухо, он натянул домашние штаны и направился на кухню, чтобы приготовить себе чашечку хорошего эспрессо. Однако уже на лестнице, ведущей в холл, до его слуха донеслись голоса – у матери, очевидно, были гости. Ещё пару секунд спустя он нахмурился, поскольку голос материнской подруги был ему хорошо знаком.

– ... да-да! Это точно так. Взять хотя бы с десятков лет назад, да никогда такого не было! А теперь – сплошь и рядом. Да что далеко ходить, Иву Джонсон ты ведь хорошо знаешь?

Как только прозвучало имя, Мэтт застыл за полшага до дверного проёма, ведущего из холла в столовую.

– Да, конечно, – ответила мать. – Это же моя любимая девочка, соседка наша. Маттео всегда называл её Эвой, и всё сокрушался, что только англичане могли так исковеркать имя первой женщины! Их дом чуть пониже на нашей улице. Ах как жаль, что их дороги с Маттео разошлись... Они ведь очень дружили в детстве, да и в школе как минимум пару раз пересекались... кажется, в четвёртом классе попали в одно подразделение, и в старших совпадали по каким-то предметам... биология, кажется, и математика. Маттео тогда ещё никак не мог определиться с будущим – брал всё подряд, – весело усмехнулась она.

– Маттео... – медово протянула Жозефина.

– Так что там с Ивой? – снова подняла тему мать.

– Да всё то же. Такая ладная вся, как ни придёт ко мне, я ей каждый раз говорю: «Твою овуляцию, дорогуша, можно студентам в институте демонстрировать как наглядное пособие». Сейчас, когда у четверых из пяти какая-нибудь патология, а эндометриоз – это прямо уже вариант нормы, такие, как Ива, на вес золота – девочка, созданная для материнства. Ты не поверишь, Шанель, но проблема, с которой она ко мне обратилась, говорит только об одном – её тело просит о беременности, вот прямо требует. Я ей так и сказала: «Тебе беременеть нужно, а ты всё ещё с левой!» Где это видано, чтобы в двадцать пять девица не знала ни одного мужика? Что это такое? Куда катится этот мир? Куда смотрит правительство? Они что себе думают? Заткнут иммигрантами все эти дыры? Ну так и что нас ждёт лет через тридцать? И сплошь и рядом такая ситуация, сплошь и рядом.

Дом на несколько коротких мгновений погрузился в тишину. Казалось, даже он приуныл от нерадужных перспектив деторождения. Наконец, послышался несколько задумчивый голос матери:

– Мда... Двадцать пять лет... Такая девочка... и до сих пор не знает мужской ласки.

Жозефина и Шанель были подругами с юности, ещё с институтских времён. Будучи по природе своей совершенно разными, но в чём-то и схожими, и специализации они выбрали в том же духе: Жозефина стала гинекологом, а Шанель сексологом. Как и в юности, обсуждая одну проблему, каждая из них видела её в своём собственном ракурсе.

– Жаль, что сексолог не входит в число обязательных к посещению специалистов... – с досадой добавила мать.

– Да бог с тобой! – воскликнула Жозефина. – У девочки для твоих приёмов и показаний-то нет, и неизвестно будут ли. Я ж о чём тебе толкую: если дело так и дальше пойдёт, ты и вовсе останешься без работы. Семидесятые и свободный секс остались далеко в прошлом, теперь учёба, работа и кредиты не оставляют молодёжи времени на встречи и здоровое общение – только вебчаты одни и взрывные продажи вибраторов.

Мэтт снова поморщился. Слушать дальше он был не в состоянии.

– Сынок! – при виде его мать тут же воспряла духом. – Уже проснулся?

Мэтт покосился на часы – почти полдень. Так долго спать он не привык – бурлящая и кипящая вплоть до последнего времени жизнь почти не оставляла ему времени на сон, он, скорее, привык недосыпать и чувствовать себя при этом живее всех живых. Теперь же его раздражало абсолютно всё: и это пребывание в материнском доме, и гостья со своими гаденькими разговорами о людях, с которыми он был знаком и о которых не желал бы знать такие интимные вещи, как наличие или отсутствие девственной плевы и качество овуляции, и даже то, что проспал, как последний неудачник, половину светового дня.

Взгляд Жозефины скользнул по его плечам, коснулся груди, глаза хищно сощурились. Он тут же пожалел, что не соблаговолит натянуть футболку – мать ни разу в жизни не упрекнула его в том, что он неподобающе одет. Да она вообще мало в чём его упрекала, в результате чего Мэтт вышел во взрослую жизнь без единого комплекса. Даже отсутствие отца почти не нанесло ему никакого урона.

– Маттео! – ележно протянула Жозефина, в мгновение забыв о негодовании, вызванном в ней всем предшествующим разговором. – Как же я рада тебя видеть!

Он ни секунды в этом не сомневался.

– Я тоже, – буркнул Мэтт и подошел к кухонному островку.

– Сынок, – подпрыгнула мать, – хочешь кофе? Давай я приготовлю, дорогой. Присядь, поговори с Жозефиной.

– Спасибо, но нет. Кофе сделаю сам.

Помимо всех прочих своих бесчисленных достоинств, Шанель была ещё и тактичной женщиной – она не стала уговаривать сына дальше.

– Боже, Маттео... каким же ты стал! Так возмужал... за те сто лет, что я тебя не видела, – вздохнув, добавила Жозефина.

В её голосе появились тоскливые нотки сожалений.

В отличие от своей пациентки Ивы, Жозефина была истинным продуктом своей эпохи и имела за плечами обширный практический опыт в общении с мужчинами. Начала она рано и прекращать не планировала до самой смерти. Мужчины, сколько бы лет им ни было, всегда чувствуют настроенных на секс женщин, вот и Мэтт отчётливо помнил свои ощущения в четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать, семнадцать лет – вплоть до его отъезда в колледж, когда Жозефина заглядывала к ним в гости и не спускала с него глаз. Она вполне могла бы стать его первой женщиной, если бы не одно «но»: Мэтт был переборчив. Пожалуй, его переборчивости могли бы позавидовать даже английские принцы.

– Маттео, дорогой, – внезапно оживилась Жозефина. – Мама сказала, что ты временно остановился у неё. Что же тебя привело сюда? Что заставило такого взрослого мужчину отказаться от всех прекрасных барышень, путешествий, вечеринок, удовольствий, и осесть в отчем доме?

– Просто захотелось, – вяло отозвался Мэтт.

– Невероятно! – выдохнула Жозефина. – Но это скорее заслуга матери... Шанель, плюс твою карму! Зрелый и успешный сын из всех благ мира сознательно выбирает твоё крыло!

Маттео довольно энергично кивнул – он был согласен. С матерью у него действительно были ну просто идеальные отношения, даже невзирая на диаметрально противоположные характеры. И это действительно была заслуга скорее Шанель, чем его.

– Да брось, Жози, он просто поссорился с женой...

Мэтт дёрнулся, как ошпаренный: мать испортила всю малину. Уж чего-чего, а такого выброса его личной жизни на всеобщее обозрение он не ожидал. Глаза его чуть сощурились – он слишком хорошо знал свою мать: она бы никогда так не поступила, не будь у неё что-то на уме.

– С женой лучше не ссориться! – как-то пискляво заметила Жозефина, вытягиваясь и распрямляя плечи.

Дамочка гинеколог даже закинула ноги одну на другую, чтобы они казались стройнее.

– Во-первых, у меня нет и никогда не было жены, – хрипло прокомментировал этот спектакль Мэтт. – Во-вторых, я не поссорился, а расстался с надоевшей девкой. В-третьих, я здесь, потому что мне тупо жаль денег на очередную аренду, когда я ещё не разобрался с предыдущей.

– Ох... наверное, это очень дорого снимать квартиру в самом сердце Ванкувера с видом на залив...

– Дорого, – кивнул Мэтт и обжёг горло глотком кофе.

– Понимаю... но разве для одного из самых успешных... эм, мужчин в модельном бизнесе не должны такие вещи быть сущей ерундой?

Шанель раскрыла лежащий до этого на журнальном столике веер и начала энергично обмахивать им шею. Мэтт скрипнул зубами.

– Должны. Для успешных. Но я не успешный.

Жозефина с удивлением округлила глаза.

– Раньше был, а теперь нет, – добавил он.

– Что случилось?

– Только то, что моя «возмужавшая» рожа перестала привлекать девочек, и журналы с ней на обложках перестали так хорошо расходиться.

Это было правдой, но мало кто в этой комнате, кроме самого Мэтта, осознавал до конца все масштабы его проблем.

В модельный бизнес он попал случайно – просто зашёл с другом за компанию на кастинг. Друг происходил из не самой успешной семьи иммигрантов и находился в постоянном поиске приработка, Мэтт же только месяц назад получил от матери в подарок на шестнадцатилетие новенький Инфинити, и карманных денег у него было хоть отбавляй, и подружек он мог приводить, когда захочется. Но Мэтт и в вопросах дружбы был переборчив: если и определял кого в друзья, то со всей вытекающей ответственностью. На кастинге, впрочем, оба совершенно зелёных кандидата в модели больше глумились над происходящим и никаких реальных планов на такой вид деятельности не имели. Как ни странно, приняли обоих. И Мэтт и Бен честно отработали в съёмках социальной рекламы для молодёжи, и каково же было их удивление, когда всего за четыре часа им обоим выплатили по триста долларов. Это были первые самостоятельно заработанные Мэттом деньги, и вкус у них был будоражающим. Он вдруг почувствовал себя мужчиной, умеющим добывать, правда способ добычи ему не просто не нравился, а был глубоко неприятен. В то же лето владелец машины стоимостью в шестьдесят тысяч долларов устроился на работу в Макдональдс на минималку. Потом был продуктовый магазин, магазин одежды, кафе, магазин подержанных лодок и катеров, где он хлоркой отмывал их корпуса от ракушечника и плесени. Мэтту хватило одного лета, чтобы понять: деньги на всех этих работах зарабатывал не он, а владельцы. Он лишь отдавал всё своё время за копейки, которых не хватало даже на то, чтобы хорошенько развлечь девчонок. Он твёрдо решил учиться, как в своё время сделала мать, а пока не отказывать себе в более лёгких деньгах, получать которые он мог всего лишь натягивая на себя футболки и джинсы новых неизвестных брендов и позируя перед камерой – агентства с завидным постоянством предлагали ему контракты. Однако к моменту окончания школы неизвестные бренды стали известными, а один его контракт превышал годо-

вой доход матери, владеющей гордым званием PhD (высшая научная степень, доктор наук) на своих визитках и на вывеске с именем её клиники.

Шанель была не просто умной женщиной, она была самой умной из всех, кого он знал. Пожалуй, одна только Ива могла бы посоревноваться с ней в интеллекте, но Ива была юной и неопытной, а потому безбожно проигрывала во всём, что касалось жизни. Шанель была не только умной, но и богатой. Мало кто представлял, какие суммы она ежегодно указывает в своей налоговой декларации, как и то, кто именно прячется под солнечными очками и бейсболками, посещая её тихий офис в маленьком малоизвестном городке. Эти люди хорошо платили тому, кто умел решать их проблемы. Шанель, конечно, не могла избавить своих пациентов от всех их проблем, но очень хорошо справлялась с самыми важными. И богатела. Но ещё больше богател её девятнадцатилетний сын, многократно переплюнувший заработки матери без всякого образования, диссертаций и заработанной десятилетиями репутации. Всё, что ему нужно было делать – это рекламировать трусы. Хотя именно трусы и были его самой большой проблемой. Шанель была бы довольна жизнью, если бы Мэтт всего-навсего не мог себя в них удержать, но нет, её сын был слишком сложен, чтобы его проблемы были такими простыми. Маттео был глубоко и безнадежно разочарован собой, презирал то, чем зарабатывал на жизнь, но продолжал это делать, пристрастившись к роскоши и драйву, миру у его ног, пусть и не в том формате, в каком ему бы хотелось, но тем не менее. Неудовлетворённость разъедала его изнутри, с каждым годом всё больше превращая в дёрганного, вечно всем недовольного неврастеника.

– О, господи, Маттео, не могу в это поверить... Мне так жаль! Я могу тебе чем-то помочь? – участливо поинтересовалась Жозефина.

– Хочешь предложить мне работу?

Гинеколог на мгновение оторопела и, только чтобы не выглядеть неловко, спросила:

– А что ты умеешь делать?

«Кроме как позволять другим людям любоваться на себя» – хотела она добавить, но из уважения к подруге, а никак не к этому дерзкому сопляку, смолчала.

– Ну... я мог бы раздвигать твоим пациенткам ноги.

– Маттео! – тут же вспыхнула Жозефина.

– Что? До сих пор у меня это неплохо выходило, – невозмутимо заверил он.

Видавшая многое в жизни Жозефина покраснела и бросила на Шанель взгляд-призыв приструнить наглеца.

Шанель издала приглушённый звук – это она втайне подавилась смешком. Её открытой реакцией на происходящее были лишь вздёрнутые брови и повышенная скорость обмахиваний привезённым когда-то из Мексики веером. Вещица была броской и аляпистой, потому что выбирал её восьмилетней мальчишка.

– Шанель! – тон Жозефины не оставлял сомнений – она в бешенстве.

С трудом скрывая улыбку, Шанель подскочила со словами:

– О боже! Уже два часа! А я совсем забыла про Сару!

Так и не определившись за все свои пятьдесят с лишним верующая она или нет, Шанель признавала только одного святого – своего сына, причём всегда и несмотря ни на что.

– Какую ещё Сару? – едва ли не хором поинтересовались Жозефина и Мэтт.

– Твою двоюродную племянницу, дорогой. У Таши сегодня зубной врач, и она попросила забрать Сару из воскресной школы. Занятия заканчиваются в два сорок... я уже точно не успею, выручай, сынок! Ты доберёшься туда быстрее меня...

Лучше всех в этом мире Мэтта знала его мать, но и он очень хорошо её знал, поэтому, увидев в школьном дворе Иву Джонсон, даже не удивился.

Он обожал свою мать в том числе и за то, что она никогда на него не давила, не приказывала и даже не уговаривала. С самого раннего детства ему была дарована полная свобода:

хочешь в шортах иди в школу, хочешь в штанах, да хоть в юбке – всё только так, как Маттео нравится. После первой же выпорхнувшей из его комнаты девчушки, он обнаружил в ящике своей прикроватной тумбочки большую коробку с презервативами. Мать ни разу даже не дёрнула его по вопросу оставшегося за бортом его жизни колледжа.

Но иногда, а точнее, всякий раз, как Мэтт впадал в состояние уязвимости и рефлексии, Шанель повторяла ему одно и то же: «Эта девочка когда-нибудь сделает тебя счастливым, возможно, самым счастливым из всех». И этой девочкой был не кто иной, как Ива Джонсон. С чего мать это взяла, было одному богу известно, но он предпочитал с ней не спорить и молча делать своё.

«Своё» – это встречаться с кем угодно, обращать внимание на кого угодно, но только не на Иву. Она ему попросту не нравилась. Он был не для неё. Положа руку на сердце, он вообще не считал себя созданным для кого-то. Однако как-то так выходило, что его свободолюбивая и лишённая привязанностей натура не успевала выпутаться из одних отношений, как оказывалась в новых. В двадцать шесть за его плечами было три полноценных гражданских брака и такое множество более кратковременных связей, что он со счёта сбился.

У двадцатипятилетней Ивы не было ничего общего с девочкой, которую он помнил со школьных времён, но почему-то узнал её сразу. Она стала очень толстой. На её плечи был наброшен вязаный кардиган, целью которого, по-видимому, было скрывать складки жира на боках девицы.

Мэтт даже поморщился от такого зрелища. За годы его рабочих разъездов по миру, чаще по Европе, его глаза привыкли совсем к другим фигурам. Красивые и ухоженные женщины окружали его каждый день: он с ними работал, и он с ними спал. А ещё знал не понаслышке, что красивое тело – это труд и выдержка, а жир на боках – это лень и слабоволие. Мэтт был из тех, кто ежедневно занимался спортом и презирал слабаков.

Заметив его, Ива вначале оторопела, потом, коротко улыбнувшись, кивнула. Мэтт кивнул ей в ответ и заметил то, чего не хотел бы замечать – щёки Ивы порозовели.

От мысли, что Ива может к нему подойти, и тогда придётся изображать любезность, его тоже немного бросило в жар. Но Ива к нему не подошла. Она стояла, окружённая девочками, склонившись над чем-то в её руках и отвечая на миллионы вопросов, сыпавшиеся на неё как из рога изобилия – ей было не до него.

Сара сама подбежала к Мэтту, сообразив, что сегодня он пришёл по её душу, и вместе они отправились домой.

Вернувшись, Мэтт застал мать в саду с сигаретой и чашкой чая с жасмином.

– Зачем ты обсуждаешь такие вещи с другими людьми? – упрекнул он её. – У вас же есть какой-нибудь там кодекс докторской чести? Ну, типа тайна пациента уйдёт с тобой в могилу – в таком духе...

– Когда ты доживёшь до моих лет, сын, вдруг окажется, что на правила можно смотреть и сквозь пальцы. Опыт прожитых лет обязан научить человека разумного тому факту, что единственный ориентир в жизни и есть сама эта разумность. Только на неё и стоит опираться. А ещё тебе истошно захочется совершить что-нибудь хорошее, пока есть время. Что-нибудь настоящее. Пусть и не сделать кого-нибудь счастливым, но, по крайней мере, хотя бы менее несчастным.

Мать протянула руку и коснулась его волос над ухом. Бережно поправила их, а потом сама же и взъерошила, с чувством прижимаясь ладонью. Она так не делала лет сто, но пугало Мэтта не это, а блеск в её внезапно покрасневших глазах.

– Как тебе Ива? – вдруг спросила она. – Очень изменилась?

– Толстая.

– И что с того? Я тоже толстая! Меня же ты любишь?

– Так ты моя мать, а она мне кто?

– Сейчас никто, но может стать кем-то, если захочешь.

– Ты бы видела, во что она одета... как старуха, ей богу! Вот как можно так себя запускать?

– Может, у неё сейчас не лучшие времена? Образование её стоит дорого, а работу найти сложно. Ей бы сейчас не помешала поддержка.

– По ней не скажешь, что голодает.

– И по тебе, моему красавцу, не скажешь, что на душе черным-черно. А ты купи ей красивое платье и пригласи на свидание. А когда она придёт, подхвати на руки, закружи и скажи, что никогда ещё не видел такой красоты. И поверь, ты ей не солжёшь.

Мэтт усмехнулся: его мать – это нечто.

Глава 3. Маттео

Ива уже около часа находилась в до боли знакомой комнатке: были времена, когда она или приезжала сюда сама, или же мать силой её притаскивала к себе на работу – в районную больницу Игл Ридж – и устанавливала капельную систему. То были тяжёлые, тёмные времена для них обеих.

Но они уже давно позади.

Мать обработала раны на её руках и левую даже перевязала.

– Казалось бы, всего час назад с тобой говорили по телефону, и ничто как говорится, не предвещало. И как только тебя угораздило в такое ввязаться?

– А что, надо было оставить человека умирать?

– Но ты же не парамедик, Ива! Для этих целей есть специалисты: спасатели, медики, пожарные, полиция, в конце концов! А что, если бы ты сама пострадала? А если бы погибла? Это же надо додуматься лезть в машину и доставать пострадавшего!

Ива решила оставить эту тираду без комментариев.

– Господи, ну вот и как ты теперь будешь работать? – причитала мать, глядя на израненные руки Ивы.

Ива и сама не знала, как будет выкручиваться на работе, но средство, которое вколола ей мать сразу, как увидела, заставляло Иву воспринимать эту проблему философски: не она первая, не она последняя повредила своё главное орудие труда – руки.

– На неделю отдам все операции Луэне. Пообещаю премию, она не откажется.

Решение всегда можно найти, нужно только постараться – Ива в это свято верила.

Мать только вздохнула и подошла к умывальнику, чтобы вымыть руки.

Внезапно дверь открылась и в проёме показалась Маккензи – одна из подчиняющихся её матери медсестёр.

– Каролина, вы не разберётесь с этим? – поморщившись, спросила она.

В её руке был зажат зиплок, сквозь прозрачные стенки которого виднелись окровавленные предметы: бумажник, телефон, часы и... красный шнурок.

У Ивы похолодели пальцы.

– Давай, – усмехнувшись, протянула руку мать. – Если так бояться крови, зачем было идти в медсестры?

– Нужно найти водительские права и внести в систему данные о пострадавшем. Полиция уже звонила, их интересует его личность. И да, там ещё троих привезли.

Мать кивнула. Как только дверь за Маккензи закрылась, она начала выуживать из пакета предметы.

– Маккензи новенькая, неопытная совсем. Но ничего, со временем приработается – одной рукой будет рану обрабатывать, другой пирожок себе в рот заталкивать.

Иве такие терзания были неведомы. И словно бы прочитав её мысли, Каролина вдруг вспомнила:

– А помнишь, как в первом классе мы шли с тобой в школу и набрали на раздавленную крысу? Даже меня, медсестру со стажем чуть не вырвало – все кишки у бедолаги торчали наружу, а что сделала ты? Отыскала веточку и давай препарировать... А сколько тебе тогда было? Пять?

Ива молчала. Точнее, она с напряжением наблюдала за действиями материнских рук. Вот она вначале вынимает все предметы и выкладывает их на специальном металлическом столе, вот она берёт в руки бумажник, вынимает карточку водительских прав и подставляет её под кран, струя воды становится красной от крови, мать переворачивает карточку на другой бок, тщательно трёт её защищёнными латексной перчаткой пальцами, затем подносит к глазам.

Кисть её руки начинает трястись, как лихорадочная. В тишине комнаты Ива слышит, каким вязким и натужным становится дыхание матери.

– Ива... – только и произносит она и поднимает на дочь внезапно покрасневшие глаза.

Ива отворачивается. У неё была надежда, что это не он, всё-таки была. Много времени прошло, мужчина в её руках был слишком искалечен и окровавлен, чтобы быть в чём-то уверенной, да она и не разглядывала его особенно. Как только увидела браслет, каждую последующую секунду использовала только на то, чтобы его спасти. Но надежда всё-таки была.

Мать вышла из комнаты.

Вернувшись через час сообщила:

– Жив. Оперируют.

Так она делала ещё восемь раз – операция длилась девять часов, и каждый час мать сообщала дочери, жив ли пациент. Последнее её сообщение было в лучших традициях мироздания:

– Сотрясение, пробито лёгкое, перелом левой руки и нескольких рёбер, ушиб левой ноги, повреждены желудок и печень, большая кровопотеря, но ты вовремя его доставила. Позвоночник цел. Пока на ИВЛ. У его жены ушиб мозга средней степени. Ребёнок умер.

Глава 4. Благие намерения

Семь лет назад

Однажды летом во время каникул, когда Мэтту было шестнадцать, а Иве только должно было исполниться пятнадцать, он засобиравшись с друзьями на озеро.

Мать спросила, будут ли девочки, на что он честно ответил, что будут.

– Это очень хорошо. Когда вы гуляете с девочками, я чувствую себя спокойнее. А знаешь, что мне сейчас пришло в голову? – внезапно оживилась Шанель.

Тональность её голоса приобретала оттенок приподнятого настроения всякий раз, как она намеревалась предложить сыну что-нибудь благое.

– А что, если нам позвонить миссис Джонсон, и спросить, не занята ли Ива?

– Это ещё зачем?

– Пригласим её пойти с тобой и со всеми ребятами на озеро! Она наверняка сейчас совершенно свободна, ведь лето же...

Мать как никто умела одевать некрасивые вещи в красивые слова, только она могла назвать одиночество и ненужность «свободой».

– Ма! Она скучная, как моя задница! С ней и поговорить-то не о чём! Нафиг она, вообще, нужна? Тупо молчать?

Он хотел назвать Иву тупой, но сдержался. Во-первых, это расстроило бы мать, а во-вторых, Ива хоть и была странной, глупой её не назовёшь.

– Прикинь, – решил добавить он, – на перерывах в школе она сидит под лестницей и... *читает!*

Улыбку на лице матери сменила озадаченность.

– Она никакая, – наконец, нашёл подходящее слово Мэтт.

Смирненно вздохнув, мать произнесла:

– Она не «никакая», Маттео. И далеко не скучная, уж поверь. Просто слишком далеко ушла вперед: ни вам её не видать, ни ей вас.

Он тогда этих слов не понял, только обрадовался, что мать отстала.

– Поздравляю! – Мэтт изо всех сил постарался добавить своему тону как можно больше энтузиазма.

Это был вечер пятницы, и они с Беном лениво потягивали хорошее пиво в любимом ещё со времён их отрочества пабе неподалёку от парка Рокки Поинт – уютного местечка возле залива.

– Спасибо, друг! – поблагодарил его Бен.

– Это серьёзный шаг... жениться. Крайне взрослое решение. Я вот не уверен, что когда-нибудь дорасту. Ты прямо это... мужик! – Мэтт отсалютовал бутылкой и сделал пару щедрых глотков.

– Да какое там решение, скажешь тоже... так уж получилось.

Мэтт не поверил своим ушам.

– Да ладно, брат!

– Угу, так и есть. Вчера были на УЗИ – всё подтвердилось.

Мэтт не знал, что ему делать, сочувствовать или... предлагать поддержку.

– Ну и как тебя угораздило? – в итоге, просто, как в юности, спросил он. – Точнее, что именно тебе помешало надеть скафандр?

Глубоко и тяжело вздохнув, Бен ответил:

– Был День Канады, все упились в хлам. Резинок ни у кого не было, а трахаться хотелось сильно. И вот. Второй месяц, как Медина понесла.

– Ну так и что с того? Мы же не в первобытном веке каком-нибудь, решите эту проблему, и дело с концом.

– Нет, она не согласится. У них по вере – это самый страшный грех, да я и сам, честно говоря, не хочу. Не хорошо это – убивать.

Мэтту вдруг вспомнилось, как давным-давно в детстве Ива называла Бена «медвежонком». Сейчас Бен выглядел настоящим медведем – крупным, плечистым, основательным таким, неторопливым парнем, не предающим ни себя, ни своей совести. Мэтту почему-то от этого стало тепло и хорошо на душе.

– А как же будущее? – мягко спросил он, заранее предвидя хороший ответ.

– А какое будущее, друг? Сколько ж можно скакать по работам, всё пытаться поймать удачу за хвост? Семью так не прокормить. Я тут подумываю ферму купить. А что? Вон дед мой держал хозяйство – все сыты были, нужды никогда не знали, и дом построил ни копейки у банков не занимал – в двадцать пять лет у него уже двухуровневый особняк в поле стоял, и не надо ни на какой моргидж всю жизнь батрачить. И на бабке моей он женился – всего две недели повстречались, а прожили душа в душу весь свой век, детей нарожали, а внуков сколько! И не подумай, что по залёту, первенец у них спустя только два года родился – не до того им было первое время. Медина мою мысль с фермой поддерживает – она нормальная девушка, без претензий и работы не боится. Ей главное позора избежать – у них, у арабов, отец за такое её и избить может, и из дома выгнать.

– А она может его за это посадить. Они ж не там у себя на родине, а здесь, в цивилизованном обществе.

– Не посадит. Другое у неё воспитание, друг. И я это воспитание уважаю. Хорошая она, поэтому свадьбу и назначили так скоро – пока не видно ничего.

Бен приложился к бутылке, и Мэтт последовал его примеру. Потом заказал ещё.

– Слушай, – внезапно собрался он с мыслями. – Нравится мне, как ты о жизни рассуждаешь. И мало кто поступил бы так, как ты.

– Да брось, обычное дело. Не мы с ней первые, не мы последние.

– Да, – кивнул Мэтт, но остался при своём мнении: его друг Бен был человеком на редкость совестливым и порядочным. – У меня есть к тебе... эм, вопрос. Точнее, ситуация... Я хочу знать твоё мнение.

– Валяй.

– Ну в общем, есть женщина... точнее, девушка. В прямом смысле. И лет ей... сильно за двадцать.

– Насколько сильно?

– Ну, примерно, как нам.

– Понял. Дальше.

– Ну вот... и она девушка. Понимаешь?

– Ну понял, что не парень.

– Бен, она девственница.

Брови друга подскочили, глаза округлились: если даже у его воспитанной в строгости Медины он был не первым в её двадцать лет, то как же знакомую его друга угораздило так «сохраниться»?

– Страшная? – сделал он однозначный вывод.

– Да нет, не страшная. Нормальная такая. Но ничего особенного. Просто... – он хотел было добавить про полноту, но передумал.

– И?

– Ну... – Мэтт набрал в грудь воздуха, не зная, как сформулировать свою мысль.

Вернее, не мысль, а мысли, которые терзали его с прошлого воскресенья. Начинались они всякий раз, как в его памяти всплывали провокационные слова «овуляция» и «не знала

мужской ласки», он даже не мог никак для себя решить, что же будоражило его сильнее, первое или второе.

– Мэтт? Ты завис? – пнул его Бен локтем.

– Думаю.

– О чём?

– О том, насколько утырочно то, что пришло мне на ум.

– А что пришло тебе на ум?

– Если не помочь ей сейчас... эм, понять вкус жизни, она имеет все шансы превратиться в старую деву.

– Помочь как?

Мэтт посмотрел на друга с выражением «ты дурак или прикидываешься?».

– То есть, ты хочешь её трахнуть, я правильно понял? – Бен поспешил заверить, что не дурак.

– Не хочу, в том то и дело. Но рассматриваю такую возможность в качестве...

– ... благотворительности, – помог ему Бен.

– Именно. Хорошее слово. Оно тут подходит. И вот меня интересует, это благое дело или... какая-то херня?

Бен задумался, обняв себя своими медвежьими руками. Брови его нахмурились. С минуту спустя он вынес вердикт:

– Благотворительность – это от слова «благо». Не от слова «херня».

– Уверен?

– Абсолютно точно да. Но есть одно «но».

– Какое?

– Если она до сих пор не пробовала секс, это означает, что такое явление как встреча на один раз ей незнакомо. А тебе, к тому же, придётся с ней встретиться как минимум два раза, потому как с первого она вряд ли что хорошее в этом деле разберёт. Ты же знаешь, как у них это бывает. Надо как минимум два раза. А лучше три.

Мэтт тяжело вздохнул.

– Да, – согласился с ним Бен. – Вот я и говорю, как же ты собираешься ей обозначить рамки ваших отношений?

– Это уже дело второе и не такое важное, – заверил его Мэтт. – Главное, это понять не является ли вся затея неким кретинизмом?

– Не является, – решительно помотал головой Бен. – Главное, предохраняйся!

Оба приятеля разом заржали и запили дельную мысль новой порцией пива.

– И всё-таки ты серьёзный мужик, – сказал ему Мэтт. – Я бы никогда не женился. Ни по доброй воле, ни по залёту. Деньги бы давал, но не женился.

– А я бы женился по доброй, но... не на Медине.

– Вот так заявление накануне свадьбы! – расслабленно усмехнулся Мэтт.

От пива он раздобрел, и все его невзгоды и проблемы казались ему сейчас не такими уж и беспроглядными. К тому же его проект по «мужской ласке» значительно отвлекал и развлекал его все последние дни.

– Жизнь, что б её... – смиренно заключил Бен. – Медина очень хорошая, ты не подумай, просто...

– Ты запал на другую.

– Угу. Только дело это уже очень давнее.

– И кто она?

– Ива Джонсон. Помнишь такую?

Мэтт чуть со стула не упал.

– Ну, Мэтт! Она же жила на твоей улице. У меня с ней английский был и испанский, а у тебя, кажется, биология и ещё что-то...

– Ну допустим, я... помню её. Так, а в чём проблема? Чего ж ты к ней не подкатил, если нравилась?

– В том, что ей нравился не я.

– А кто?

Мэтт знал кто. Вся школа знала.

Бен выпил ещё пива, оставив его глупый вопрос без ответа.

– Помню, в восьмом классе, ещё до того, как она перешла на домашнее обучение, она почему-то пришла на новогоднюю вечеринку. Никогда не приходила на такие мероприятия, а тут вдруг пришла. Знаешь, все танцевали, а её никто не приглашал – ей же тогда какой-то бойкот тупой объявили, я так и не понял за что. Я пригласил. Помню, как положил ладонь ей на талию, и как приятно было ощущать её... она была такая... приятная на ощупь. Уютная. Я посмотрел на её лицо и вдруг понял, какая она красивая, но почему-то никто этого не замечал. Все считали Софию красавицей и Олив, и Кейт... а по-настоящему красивой была только Ива. И с ней было интересно, но правда, только когда она расслаблялась и начинала хоть что-то говорить. А в основном ведь всегда молчала. Только на уроках, если спросят, и можно было услышать её голос. Я тут Гарри Поттера недавно с Мединой смотрел, так вот Гермиона мне так Иву напомнила! Будто с неё характер лепили, только Ива наша больше молчунья была. А вот если разговорится – ну точно Гермиона, – хихикнул Бен и снова сделал глоток пива.

Мэтт как-то тяжело набрал в грудь воздуха и на выдохе выпалил:

– Слушай, я не знаю, с чего это все так решили, потому что сама она не то что ничего мне никогда на этот счёт не говорила, но я даже и знаков никаких не припомню. Бред это всё, по-моему, – честно признался Мэтт.

– София, её подруга, всем об этом болтала. Да и я пару раз замечал, как она на тебя смотрит.

– Как?

Бен пожал плечами.

– Так, как я хотел бы, чтобы смотрела на меня. Но меня она в упор не видела. Кстати, не знаешь, как с ней связаться?

– Зачем? – напрягся Мэтт.

– На свадьбу свою хочу позвать. Хоть взгляну на неё напоследок.

«Не на что там смотреть, друг» – подумал про себя Мэтт, но вслух сказал другое:

– Она работает в воскресной школе. Я её видел пять дней назад, когда племянницу забирал. Могу передать твоё приглашение, если хочешь.

– Попроси лучше номер телефона, я сам приглашу.

– Без проблем, – ответил Мэтт.

А Бен про себя подумал: «Пять дней. Мэтт считал дни со дня их встречи, что ли?».

Глава 5. Свидание

Семь лет назад

Объективно, в детстве Мэтту было совершенно наплевать на лишний вес Ивы. И даже если бы ему вдруг довелось об этом задуматься, то он совершенно искренне не понял бы, почему другие дети, особенно девочки, вечно бросают ей это в лицо. Но он не задумывался, и ему не было никакого до всего этого дела.

Теперь же, когда он сам себя вынудил посмотреть на Иву глазами не мальчика, а мужчины, у него не было никаких вопросов в отношении того факта, что бывшая одноклассница в свои уже далеко не юные годы продолжает пребывать в девственной чистоте.

Ива не была безобразно толстой, но и привлекательной из-за полноты тоже не была. Она представляла собой часть той безликой массы, из которой интуитивно ищущий ярких пятен – а в действительности, всего лишь продолжения своим генам – глаз мужчины никогда её не выхватит.

Мэтт, конечно, рассуждал трезво и был честен в первую очередь с собой, однако... он сильно недооценивал истинную природу мужчины. Она, в отличие от него самого, со снисходительной улыбкой взирала на таблоидные стандарты с пьедестала истории человечества.

Мэтт с интересом изучал Иву: сегодня она была в том же кардигане, что и в прошлый раз. Сменились ли её джинсы и футболка, он сказать не мог – не настолько тщательно рассматривал её в прошлое воскресенье. Сегодня он это делал куда как прилежнее.

Сара всё не подбегала к нему – мать, видно, не предупредила, что сегодня за ней придет не она. Мэтт позвонил двоюродной сестре буквально за час до заветного времени и предложил помощь. Таш, конечно, удивилась, особенно когда вечно отсутствующий на семейных мероприятиях гламурный братец заявил, будто бы пообещал Саре позапускать на их заднем дворе воздушного змея.

Двор у семейки Росси был и впрямь буржуйский: у них имелся не только луг, но даже и собственный ручей, окружённый небольшим леском. Их участок был как минимум в пять раз больше любого соседского, а всё потому, что дед Маттео и отец его матери Иван Фридман выкупил на окраине только зарождающегося городка не один участок, как все его будущие благочестивые соседи, а целых пять. К тому же участки были расположены около ручья, десять метров в глубину берегов которого охранялись от застройки законом, и таким образом сам ручей оказался прямо на территории его владений. Бабка Маттео – Сара Фридман – разбила вокруг дома чудесный сад. В детстве Ива говорила, что сад Маттео – этот тот самый сад из сказки про Снежную Королеву, в котором росли прекрасные розы, стирающие память. А ещё она говорила, что однажды вырастет, купит дом с участком и разведёт такой же точно сад, только её розы будут воскрешать у людей самые лучшие воспоминания их жизни. Маттео тогда сказал, что в саду Ивы он будет вспоминать, как к нему приезжала бабка из Италии – мать его отца – и пекла сладости, название которых он не удосужился запомнить. И тогда Ива сделала это за него, назвав все пять лакомств, которыми Сильвана кормила обоих: Каннолли, Амаретти, Капрезе, Фокача Долче и Баба – самое любимое Ивой – пропитанная сиропом дрожжевая выпечка. А вот Маттео предпочитал всё, что с кремом и сыром – Каннолли и Капрезе.

Тогда, в глубоком детстве, когда им было восемь или около того, он относился спокойно к тому, что Ива всегда всё помнила и почти всегда всё знала. Позднее его, как и многих, это стало раздражать.

Детей от Ивы родителям приходилось едва ли не отрывать. Девочки обнимали её, крепко прижимаясь ладонями в ни по каким меркам не тонкую талию. Тут было самое настоящее соперничество за доступ к телу, которое почему-то совсем не интересовало мужчин.

Мэтт не понял сам, как улыбнулся. Не заметил, как подошёл.

– Привет, – сказал он, хотя сделать это стоило ещё в прошлый раз, но лучше ведь поздно, чем никогда.

– Привет, – ответила Ива.

От её улыбки Мэтту стало легко-легко... так легко, что даже погорячело в груди. Стайка девчонок облепила и его. Внезапно Ива взяла его руку в свою. От неожиданности он, конечно, её вырвал – просто Мэтт не выносил, когда к нему прикасались без разрешения. Когда ему хотелось секса, он недвусмысленно давал это понять, и тогда его можно было не только трогать, но и много чего другого, в остальном же он терпеть не мог, когда к нему лезли.

– Шустрый! – тихонько рассмеялась Ива. – Но я шустрее.

И действительно, на его руке теперь был повязан красный браслет из причудливо сплетённого красного шнура. Закреплён он не был, скорее накинута нарочно одной свободной петлёй.

– Сегодня был урок по плетению, – объявила ему Ива и, снова тихонько хохотнув, продемонстрировала собственное запястье, на котором красовались с десяток детских старательных, но очень кривых и мохнатых изделий.

На второе запястье Ивы чьи-то маленькие руки медленно, но упорно завязывали узлом скорее перепутанные, нежели сплетённые фиолетовые нити поверх ещё десятка браслетов всех цветов радуги.

– От подарков нехорошо отказываться, – подмигнула ему Ива.

– Нехорошо! – один за другим напомнили ему дети.

Мэтт снова взглянул на свой подарок: в отличие от украшений Ивы он был аккуратным.

– Ты можешь связать свободные концы узлом, и тогда он навсегда останется с тобой, – сказала она, как-то странно сощурившись.

Потом пригласила пальцем наклониться, и когда он это сделал, тихо прошептала ему на ухо:

– Или ты можешь оставить его, как сейчас, петлёй, а дома тихонько снять, чтобы никто не обиделся...

Женщины и раньше шептали Маттео на ухо всякие разности, и, конечно, после всегда случалось какое-нибудь волшебство вроде минета в туалете, но его ни разу не околдовывали так, как сейчас. А как же иначе объяснить тот факт, что он сам, по доброй воле и собственным же ртом попросил Иву:

– Завяжи узлом. Прямо сейчас.

И пока она это делала, её пальцы ни разу не коснулись его руки. А ему хотелось. Хотелось так, что он даже перестал дышать, ожидая, когда же это произойдёт.

Чуть позже, когда они с Сарой брели домой вдоль ручья и лесополосы, и Сара трещала о том, какая Ива крутая, он пытался понять, как же это можно связать тонкие концы шнура в вечный узел, ни разу не коснувшись? А ещё он жалел, что отёрнул руку, когда Ива взяла её в свою – так и не понял, каково это прикасаться к ней, так ли это на самом деле приятно, как утверждал Бен?

Однако же Мэтт, конечно, был искущён жизнью совсем не в той степени, когда мужчина заикливается на каком-то там несостоявшемся прикосновении. Прежде чем распрощаться с Ивой он пригласил её выпить с ним кофе в любой удобный для неё день. Она не удивилась, улыбнулась так, словно и ожидала чего-то подобного, а вот это уже Мэтту совсем не понравилось. Женские ожидания на его счёт – это то, что выводило его из себя ещё сильнее, чем непрошенные прикосновения.

Мэтт буквально остолбенел, когда Ива, одетая в такое же точно платье, какое он представил себе, разговаривая с матерью, вошла в кафе. Он даже встал от неожиданности, чего обычно никогда не делал – просто Мэтт слишком себя любил и слишком не относил к джентльменам.

Когда она опустилась в кресло напротив, вся такая ладная и уютная, с лёгким румянцем на щеках, Мэтт подумал, что Бен, считающий Иву красавицей, пожалуй, не так уж и не прав. А ещё, пока Ива изучала меню, глаза Мэтта были прикованы к её губам – он как-то сразу для себя отметил, что они не накрашены, и что их можно поцеловать прямо сейчас, если захочется. Обычно Мэтт просил своих подружек стереть помаду с губ перед сексом, если только он не начинался с оральных ласк для него – в этом случае помада ему не мешала и даже нравилась, особенно красная.

Он отвёл взгляд и попытался было сосредоточиться на своём выборе блюда и напитка, но почему-то продолжал думать о губах Ивы. Они были бледно-малинового цвета, не полные, но и не тонкие, очень аккуратные, как и вся она, впрочем.

– Расскажи, чем ты занимаешься, – попросила его Ива.

– Ничего интересного, поверь. Маюсь от скуки в основном.

– Я недавно встретила Шанель в продуктовом, она рассказала, что ты временно снова живёшь с ней, а в следующем месяце у тебя долгосрочный контракт в Милане. Разве это не интересно?

– Совсем не интересно.

– Как же Милан может быть неинтересен? Не скажу, например, что Рим – мой любимый город, но величия его отрицать нельзя. А вот в Милане я не была. Говорят, там особая атмосфера.

Мэтт призадумался.

– Возможно, ты права: я не ценю то, что... в общем, многое не ценю. В Милане работал раз сто, не был ни в одном музее, а в знаменитый Дуомо, вообще, случайно попал.

Мэтт не стал распространяться на тему этого «случайно». Как-то это было неуместно, учитывая его планы относительно Ивы.

– Я даже не помню, что и как там было внутри, – только и добавил он.

А не помнил он потому, что не был в состоянии оторваться от Авы – работающей с ним в одном проекте чешской модели. В тот день, когда ей вздумалось посетить собор, у них должна была состояться сессия первооткрывания друг друга. Он только об этом и думал. А потом уже, когда всё свершилось, впечатления от знакомства напрочь вынесли из его головы жалкие стены Дуомо: в постели Ава была куда как более талантлива, нежели перед камерой.

– Звучит действительно скучновато! – рассмеялась Ива.

Мэтт глубоко вздохнул и попросил:

– Расскажи лучше ты о себе. Мать говорила, ты закончила учёбу... собиралась вроде бы работать ветеринаром?

– Совершенно верно.

– Тогда какого чёрта... в смысле, что ты делаешь в школе?

– Волонтёрю.

– Зачем тебе это?

– Работу по специальности никак не могу найти. Считаю, трачу свободное время с пользой.

– А разве студентов не обеспечивают рабочими местами сразу после окончания?

– Помогают с практикой. Часто клиники предлагают практикантам постоянное место, но у меня так вышло, что я заменяла девушку в декретном отпуске.

– Она вернулась и тебя уволили?

– У меня закончился контракт, и я знала, что так и будет. Это закон, он защищает матерей.

– Но не выпускников... – недовольно констатировал Мэтт.

– Такова жизнь, – спокойно пожала плечами Ива.

– Но ведь твоё образование – одно из самых дорогих и самых сложных!

– Это так. И спустя полгода после выпуска образовательный кредит становится дорогим, за него теперь надо платить, – улыбнулась Ива. – Некоторые родители просят меня посидеть с их детьми – это небольшие деньги, но их вполне хватает для ежемесячных платежей за кредит.

– Зачем же тогда было учиться? Сидела бы с детьми с самого начала и деньги банку отдавать бы не пришлось!

– Не знаю, помнишь ты или нет, но я ведь с детства хотела лечить животных.

Мэтт и впрямь об этом напрочь забыл. Да, что-то такое она говорила, когда они совсем ещё были детьми, но когда это было!

– Конечно, помню, – заверил он. – Но если это нецелесообразно...

– Это целесообразно, – резко прервала его Ива. – Пока мне не очень везло, но всё обязательно встанет на свои места. У выпускников врачей тоже случается такая проблема, но рано или поздно каждый находит своё место.

«Как же у неё всё просто» – подумал про себя Мэтт. Сам он все последние годы ломал голову над тем, как бы ему выгоднее вложить свой капитал и прекратить уже, наконец, крутить торсом перед камерами. Все его предыдущие попытки не увенчались успехом, и он стал подозревать, что без знаний инвестициями лучше не заниматься. Однако же и учиться у него не было ни времени, ни желания. Деньги у Мэтта были, точнее, пока ещё были – до последнего времени его бывшая подруга спускала их с такой скоростью, что его текущие контракты попросту не успевали покрывать её текущие расходы, но вот чего у него не было, так это видения куда податься в будущем, к чему стремиться, над чем работать.

Ива же едва сводила концы с концами, была вся в долгах, как в шелках, но чётко знала, куда идёт и чего хочет. Ему даже завидно стало. На мгновение.

Он не позволил ей заплатить по счёту, и Ива в ответ на это улыбнулась. Эта её улыбка стала для него красным флагом – он напрягся.

Как только официантка покинула их, заодно прихватив со стола пустую посуду, Мэтт, не откладывая в долгий ящик, решил сразу расставить все точки над «и».

– Ива, могу я задать тебе вопрос?

– Конечно.

Вот если бы она спросила: «Какой?», он сразу вытянул бы из этого вопроса нить и продолжил в духе: «Это даже не совсем вопрос, а такая непростая ситуация, и ни в коем случае не у тебя, вся проблема во мне, я только разобрался с прошлыми отношениями и не готов к новым, но ты мне очень нравишься, и я хотел бы...».

Но ведь это же Ива. Она всегда говорит так, будто каждое её слово стоит десять долларов.

Мэтт вздохнул.

– Ива, ты что-нибудь слышала о ни к чему не обязывающих краткосрочных отношениях?

Выражение её лица даже не изменилось, отчего у Мэтта возникло ощущение, будто бы это он желторотый птенец, а вовсе не Ива грёбаная девственница.

– Безусловно.

– И...

– Что, «и»?

– Как ты к этому относишься? – без обиняков спросил он.

Уголок рта Ивы дёрнулся в усмешке:

– Я же не кисейная барышня из прошлого века.

Вот и как понимать такой ответ? Он решил, что будет понимать его так, как ему нужно.

– Ну и отлично, – заключил Мэтт и открыто посмотрел на её губы. Не без удовольствия, между прочим.

Ива никак не отреагировала, продолжала сидеть с таким же лицом, с каким спрашивала его о Милане.

– Бен тебе уже звонил? – спросил он.

- Да. Пригласил на свадьбу. Спасибо, что сообщил ему мой номер.
- Пойдёшь?
- Пойду.
- Я тоже приглашён. Как насчёт прибыть туда вместе? Как пара.
- Положительно.
- Превосходно, – ответил он в её духе и тоже усмехнулся.

Её высокомерная манера вести беседу начинала его раздражать. Правда, только в последние десять минут: пока они говорили о Милане и занятиях Ивы, всё было прекрасно, и он даже получал удовольствие от общения. Ну и от декольте Ивы. Он же всё-таки мужчина. А она хоть и толстая, но грудь у неё вполне себе завлекательная. И кожа нежная – зрение у него хорошее, все её родинки пересчитал: одна у основания шеи, одна за ухом, и одна на её пышной груди. Он не был уверен, что хочет увидеть Иву раздетой, но вот на неё одетую в платье ему было приятно смотреть. Конечно, только до того момента, как она врубилась свою Гермиону. И что тут прикольного? Нет, у Бена всё-таки чудаковатый вкус на женщин.

– Я позабочусь о цветах и подарке, – пообещал он, когда Ива поблагодарила его за кофе. – В субботу заеду за тобой в шесть. Постарайся быть готова, я не люблю ждать.

– Не беспокойся. Я тоже не люблю.

Мэтт вопросительно поднял брови.

– Ни ждать, ни заставлять ждать, – пояснила Ива.

Глава 6. Человек, который продал мир

Семь лет назад

Когда Ива села в машину, Мэтту не понравились сразу две вещи.

Во-первых, в руках Ивы была перевязанная праздничным бантом коробка. Он не просто так её предупредил, что с подарком разберётся сам – у него был план. Мэтт мог позволить себе очень многое и гораздо больше, чем Ива и Бен вместе взятые. Ему не хотелось, чтобы Ива, и без того испытывающая финансовые трудности, несла дополнительные расходы, и ему хотелось, чтобы его лучший друг Бен, которому по чистой случайности не слишком повезло в жизни, всё-таки съездил в свадебное путешествие. По всем этим причинам серебристый конверт с двумя неделями на Гавайях грел Мэтту сердце во внутреннем кармане его пиджака. Да, это было из ряда вон дорого для свадебного подарка, не особо принято, и чтобы друг не оскорбился, Мэтт планировал объявить, что поездка – это подарок от них с Ивой. Если уж на то пошло, в детстве они ведь хорошо дружили втроём, и если задуматься, разве не они с Ивой самые близкие и настоящие друзья для Бена?

Во-вторых, на Иве было то же платье, в котором она приходила в кафе. Этот факт разозлил его даже больше, чем подарок в её руках. Ну вот разве нельзя было хотя бы раз постараться и уделить должное внимание своему виду? Какая-то сильно потаённая часть Мэтта (определённо та, к которой всё-таки дотянулась и приложила руку его мать) тихо пискнула, что, вероятнее всего, у Ивы это платье – единственное подходящее. Мэтт легко мог бы купить ей новое, но разве ж она попросит? Вот его бывшая подружка покупала не меньше пятидесяти нарядов в месяц и никогда не заставляла его краснеть! А большинство приглашённых наверняка уже видели Иву в этом её шифоне в мелкий красный цветочек – круг знакомств-то у них в этом городке один, и как же он будет выглядеть рядом с такой дамой, которая не в состоянии нормально нарядиться?

Однако за те пять минут, пока они ехали к клубу, арендованному Беном по случаю свадьбы, Мэтту удалось взять себя в руки и настроиться на позитивный лад. Точнее, из состояния накручивания самого себя его вывел звонок от адвоката, который Мэтт пропустил из-за того, что был за рулём, и которому теперь нужно было перезвонить.

Мэтт взял букет себе, положил серебристый конверт поверх подарочной коробки Ивы и в ответ на её вопросительно вздёрнутые брови ладонью подтолкнул за поясицу в направлении улыбающегося до ушей Бена.

– Ива... Мэтт, – медово-грудным голосом возрадовался их приезду новобрачный.

А Мэтт на несколько долгих мгновений ушёл в астрал. Бен и его довольный вид тут были абсолютно ни при чём: Мэтт впервые прикоснулся к Иве. Её тело действительно оказалось умопомрачительно приятным наощупь, и Мэтт, познавший немало женщин на своём веку, столкнулся с таким впервые. Его руки привыкли к ухоженным, подтянутым телам, упругим. А Ива была до того мягкой и обволакивающе тёплой, уютной, что все мышцы Мэтта буквально заныли от желания прижаться к ней целиком, коснуться губами нежной шеи, втянуть её запах.

Когда Мэтт опомнился, оказалось, что у него неприлично распёрло ширинку. Опустив руки с букетом чуть ниже, он устрасился сам себя: вожделеть Иву? Но ведь она же... толстая!

К счастью от неловкости его спас очередной телефонный звонок – Мэтт воспользовался им, чтобы сгрузить цветы Иве и отойти в сторону для разговора.

Пока Мэтт говорил, Бен познакомил Иву с женой, объяснил, что основная церемония прошла накануне и была максимально приближена к традициям родни Медины, и, в принципе, для них-то только и проводилась, а этот вечер больше для друзей Бена, и он будет более молодёжным, нежели помпезно-свадебным. Ива и сама уже это поняла по тому, что невеста была одета как для новогодней вечеринки – на ней не было ни фаты, ни белого платья. Сам Бен,

правда, был одет в элегантный костюм светло серого цвета с зеленоватым оттенком, страшно подходящий его светло-русый волосам.

Бен сегодня был просто красавцем, но ладони Ивы взмокли и дрожали после того, как некто статный, облаченный в тёмный костюм и белую рубашку с раскрытым воротом, немислимо благоухающий, всего лишь раз прикоснулся к её пояснице своей ладонью. Ещё в машине Ива едва могла дышать – таким сексапильным был её водитель. Она заметила всё: и мужественность его запястья, снимающего машину с паркинга, и сильные мышцы его бёдер, обтянутые дорогой тканью брюк, и красивый загар на шее и ключицах, так эффектно подчёркиваемый белизной его праздничной рубашки. Ива впервые в жизни физически ощутила на себе одежду: вот её тело, а вот тонкая полупрозрачная ткань платья, шёлковая подкладка, бельё. Её тело, а не она сама, словно просило освободиться от всего этого.

Медина не удержалась и сразу раскрыла серебряный конверт – ей было любопытно, что же придумал для них лучший друг её мужа. Обнаружив там путешествие для двоих, она завизжала, как ошпаренная, и, прежде чем слёзы брызнули из её глаз, повисла на Мэтте, хмуро прижимающем телефонную трубку к уху. Лицо его было бледным.

– Поздравляю, Медина... от души... – едва ли не сквозь зубы процедил он и даже забыл, что подарок не от него лично, а от них с Ивой.

Поскольку Медина и не думала от него отлипнуть, он пообещал человеку на том конце перезвонить чуть позже, оторвал от себя руки Медины и направился вместе с ней к Бену и Иве.

Бен в этот момент представлял Иве дальнего родственника Медины – Амира – крупного и очень брутального восточного мужчину. Половина его лица была покрыта короткой, но очень ухоженной бородой, на руку был надет браслет с деревянными бусинами, а глаза хитро наблюдали за окружающими.

– Медина говорит, у этого парня миллионов больше чем волос у меня на голове, – тихо шепнул Бен Иве на ухо и провёл рукой по своей шевелюре с намечающимися залысинами.

И на всю громкость он сообщил ей же:

– Представляешь, Ива, у Амира на родине многие мужчины имеют жён больше, чем одну!

– Эта традиция уверенно уходит в историю, – с улыбкой ответил Амир. – Если мои родители и их родители ещё придерживались, то ровесники уже отторгают. Новые поколения более ориентированы на моногамные браки.

– И зря, – поспешила заверить его Ива. – Тем более, у такой традиции есть разумное объяснение.

– Какое?

– В конце концов, мы – всего лишь биологический вид, и, как у каждого вида, у нас есть только одна цель – продвинуть свой ген как можно дальше в будущее. Может, наука и открыла только теперь Митохондриальную Еву, но стремление оставить после себя как можно больше потомства существовало всегда.

– Митохондриальную Еву?

– Да. Не слышали?

– Нет. Расскажите.

– Какое-то там время назад учёные обнаружили, что большинство ныне живущих людей унаследовало митохондриальную ДНК от единственной женщины, живущей в Африке что-то там около двухсот тысяч лет назад. Только её потомки дожили до наших дней. Суть в том, что митохондриальная ДНК не подвергается рекомбинации, в отличие от ядерной, состоящей, как вы знаете, наполовину из генов отца и наполовину из генов матери, и наследуется только по материнской линии. То есть, если у женщины рождались только сыновья, её митохондриальная ДНК не будет передана. То же есть и у мужчин, и получило название Y-хромосомного Адама. Таким образом, чем больше от вас родится сыновей, тем выше вероятность, что именно ваша Y-хромосома будет передаваться дальше. Чем меньше у вас сыновей, тем выше вероятность,

что всеми их потомками в определённой точке окажутся дочери, и вы свой код дальше не передадите. Кстати, Адам значительно младше Евы, и одной из причин этого считается многожёнство.

– Вы как-то связаны с биологией? Антропологией?

– Нет, я ветеринар. Это открытие одно время активно обсуждалось в публикациях и даже в соцсетях.

– Не слышал.

– Наверное, случайно пропустили.

– То есть, если я правильно понял, вы не против многожёнства?

– Как можно быть против традиции целых народов? Как можно быть против истории?

– Нет, я не в том смысле. Если бы вас позвал замуж мужчина, у которого уже есть или будут ещё жёны, вы бы согласились?

– Вряд ли. Видите ли, я тоже продукт народа с традициями. Иногда кросс-культурные браки работают, иногда нет. Мой случай скорее про «нет».

– Почему? Мне интересно, правда. Почему западная женщина всегда отвергает полиганию?

– Наверное, эгоизм. Стремление защититься от боли. Ведь это больно, когда тот, кого ты любишь, выбирает другую. А я смогла бы выйти замуж только по любви.

– А если он не выбирает? В исламе мужчина обязан всё делить поровну, и время, и богатство. Многожёнство – это всегда про достаток.

– Всё равно больно. По крайней мере, мне было бы. Я же говорю – эгоизм.

Амир производил на Иву очень странное впечатление: выдающаяся маскулинность в сочетании с высокомерным спокойствием и мягкостью движений, какой-то животной грацией и восточной манерой обволакивать собеседника расположенностью вызывали в ней недоверие. Казалось, удав гипнотизирует кролика. Ива невольно сжалась.

– А она тут что делает? – внезапно до Ивы донёлся негромкий, но знакомый голос – это подошедший вплотную к Бену Мэтт прошипел свой вопрос другу прямо в ухо.

Ива обернулась и увидела у входной двери Софию. Бывшая одноклассница и несостоявшаяся подруга выглядела сногшибательно. Даже у Медины перекошилось лицо, когда та увидела вновь вошедшую гостью: на Софии было белоснежное длинное платье – праздник по случаю бракосочетания Бена и Медины всё-таки не останется без традиционной невесты. Медина сразу представила, сколько народу сегодня ошибётся и поздравит эту отвратительно красивую даму с замужеством вместо неё.

– Я думал, это ты её пригласил... – прошептал Бен.

– Я же с Ивой! – так же тихо возмутился Мэтт. – Может, это Медина?

– Они даже не знакомы! – напомнил ему Бен.

София шла к ним уверенным, красивым шагом. Она несла себя так, как носят себя только королевы.

– Бен, дорогой, поздравляю! – приобняла она жениха, уже успевшего прикрыться слегка оторопевшей улыбочкой. – Познакомишь с невестой?

Однако шанса этому знакомству не представилось. София, словно бы случайно, обратила свой взор на Мэтта.

– Боже, Маттео... Сколько лет... сколько зим... Да ты просто...

Голубые глаза Софии медленно и словно смакуя смерили все сто девяносто три сантиметра Мэтта в высоту и сколько-то там в ширину его плеч.

– ...шикарно выглядишь, – добавила она таким голосом, как если бы львица внезапно превратилась в котёнка.

Никто не знал подробностей, но все, и даже ушедшая ещё в восьмом классе на домашнее обучение Ива, были в курсе, что София и Мэтт в старшей школе общались... организмами.

Общение это дальше организмов не заходило, поскольку Мэтт имел привычку так же общаться и с другими одноклассниками, но было оно даже для Мэтта исключительным, потому что регулярным.

– Спасибо. Ты тоже, – холодно ответил он.

«Его явно расстроил телефонный звонок», – подумал про себя Бен.

За ужином Мэтт был молчалив и погружён в свои мысли. За здоровье молодожёнов пил неохотно и часто отлучался – ему всё время кто-то звонил.

– Бизнес, наверное, – пожав плечами, – зачем-то пояснил Бен для Ивы, хотя она ни о чём не спрашивала.

– Если бизнесом заниматься с таким надрывом, ничего кроме убытков он не принесёт, – заметил Амир.

А Ива заметила, что полуулыбка никогда не сходит с его лица. Но и нормально улыбаться Амир не забывал – делал это довольно часто и почти всегда, когда встречался с Ивой взглядом.

Когда Мэтт в очередной раз вернулся, и за столом никого кроме него и Бена временно не было, Бен посчитал возможным, наконец, спросить:

– С бизнесом проблемы, друг?

– Да какой там! Ты не поверишь, что вытворила эта сука...

– Говори уже!

– Она спалила квартиру.

– Как это?

– Да вот так. Завалила пентхаус в Инглиш Бэе так же хламом, как её мамаша в своём клоповнике, и во всём этом бардаке взялась делать себе ногти, а для этого нужна какая-то лампа, и от этой лампы загорелось что-то из хлама. И эта дура, вместо того, чтобы потушить, выбежала из квартиры. Выгорело, мать его, всё!

Бен как-то знал одну дамочку, уж больно громко она умела кричать, и ему это не особо нравилось, как и то, на что была похожа её квартира – словно склад, помещение было завалено вещами. Они были повсюду и преимущественно на полу, так что ему приходилось буквально протискиваться по узким проходам от входной двери до самой её кровати, и даже на кровати у неё почему-то было шесть подушек и три одеяла. Бену даже казалось, что ему трудно дышать в той квартире, так что он хорошо понимал, о чём говорит Мэтт.

– Квартира не была застрахована?

– Нет.

– Плохо. Но ты же там месяц уже не живёшь. Тебе-то что?

– А то, что договор аренды был оформлен на обоих, и то, что я там не жил, когда всё случилось, не имеет значения. Ущерб оценён в полтора миллиона.

– Да ты чё!

– Мой адвокат говорит, похожий прецедент уже был, и суд разделил возмещение ущерба пополам между съёмщиками.

Бен закусил губу.

– Ну ты-то свою часть хотя бы можешь выплатить, а как выплатит свою она?

– Ты считаешь, меня и эта проблема должна занимать? Серьёзно? Мой риэлтор уже просмотрел несколько вилл на Кипре, я на следующей неделе должен был лететь и смотреть их сам, и, если всё окей, оформлять покупку. А теперь что?

– Это все твои сбережения?

– Не все. Но, семьсот тысяч, Бен! Семьсот! Вот так, как с куста, на ровном месте и только потому, что связался с непроходимой дурой!

– Да... – задумчиво протянул Бен. – На семьсот тысяч, наверное, можно купить целую виллу на Кипре, сдавать её туристам и... больше никогда не работать с девяти до шести.

– Виллу на материке или квартиру на первой линии, – уточнил Мэтт.

Из всех его проектов этот был самым безрисковым – он уже устал терять деньги.

– Ладно, забей, – посоветовал друг. – Чему быть, того не миновать, а ты из всего выпутаешься – я тебя знаю. А сегодня... у Софии помнится бывало с собой... ты спроси, может даст закинуться, иначе ты уже не расслабишься.

Ива заметила, что Мэтт выпил один за другим несколько бокалов, а вот Мэтт, казалось, и вовсе забыл про Иву. Он словно перенёлся в другое измерение: вначале только ментально, а потом и физически – просто исчез из поля зрения.

Праздник у Бена и Медины получился весёлым, Ива даже умудрилась перекинуться парочкой фраз кое с кем из бывших одноклассников. Большинство её, конечно, не узнали, но она этого не особенно-то и желала. Все приглашённые были молодыми, энергичными и готовыми веселиться.

Ди-джей заводил толпу такой хорошей музыкой, что даже Иве захотелось выйти на танцпол, но она для этого была слишком неопытной и слишком трезвой. Вот выдерни её Мэтт за руку, она бы рискнула, да хотя бы в надежде прижаться к нему в медленном танце, если такому повезёт случиться. Но Мэтта она не видела вот уже около часа – у него явно были какие-то проблемы.

Когда заиграла всем известная мелодия из Криминального чтива, у Ивы от радости чаще забилось сердце. Она даже, грешным делом, подумала, а что если рискнуть и всё-таки выйти потанцевать? Ива никогда раньше не танцевала на публике, только дома и только для себя, а “You Never Can Tell” была одной из её любимых.

Внезапно она заметила Мэтта: он спрыгнул на танцпол, забросил на ближайший свободный стул свой пиджак и стал танцевать твист так, что у Ивы в прямом смысле отвисла челюсть: Мэтт был в самом центре своей стихии. Она впервые по-настоящему увидела не мальчика Маттео из её детства, а взрослого Мэтта, довольного собой, уверенного и нагло берущего от жизни всё, что только захочется. Движения его были чёткими, красивыми и свободными, потому что сам он ни секунды не сомневался в себе.

По короткой лестнице, ведущей на танцпол взбежала тонкая, как лань, женщина в белом платье. На самом деле она не была тонкой, это просто Ива мысленно определила её в лани, машинально сравнив с собой. Ива спросила себя, будь она такой же тонкой и изящной, был бы у неё шанс получить предложение о чём-то большем, нежели ни к чему не обязывающие краткосрочные отношения?

София буквально влилась в танец Мэтта. Их движения получались такими слаженными, словно они были одним целым. От обоих исходила странная энергия – куда более мощная, чем та экранная между Траволтой и Турман – и это ощущала не только Ива: люди на танцполе стали потихоньку вначале отходить в стороны, чтобы освободить для Мэтта и Софии больше места, а вскоре и вовсе покинули его, чтобы не мешать тем, кто замороженно наблюдал за экспрессивным танцем двоих со своих мест в зале.

Одна музыка сменилась другой из того же фильма, и под раскатистое «Девочка, ты вскоре станешь женщиной» Мэтт бесцеремонно вжал талию Софии в себя. Парный танец вышел ещё более накалённым чем предыдущий. Гости в зале умолкли, словно почувствовав себя лишними. Никто больше не свистел и не подначивал танцующих плеснуть в свой пожар ещё больше огня: все замороженно наблюдали.

– Не хотите тоже потанцевать? – внезапно услышала Ива вопрос.

– Наверное, нет, – ответила она и почувствовала, как краснеет.

Ива отнюдь не была эмоциональной, и даже невзирая на свою неопытность никогда не отреагировала бы на внимание мужчины вот так, по-тинейджерски. Ива покраснела, потому что на мгновение представила себя в руках Мэтта на танцполе и поняла, какой нелепой и смеш-

ной была бы такая картина. Зал не любовался бы на них заворуженно, а покатывался бы со смеху.

– А зря. Восточные мужчины умеют доставлять женщинам удовольствие в танце, и не только в нём.

Слова может произнести любой, но то, как это сделал Амир, не оставляло никаких сомнений в том, что он говорит правду. Ива повернулась, и, когда встретилась с ним глазами, ею овладело чувство, очень похожее на то, которое она совсем недавно испытала в машине, сидя рядом с Мэттом, впервые осознавая на себе одежду. Амир смотрел на неё так, словно это она сейчас завораживала всех на сцене, словно это её движения сводили мужчин с ума. Оба чувства были ей незнакомы; в чём-то похожие, они сильно отличались. Внезапно Ива поняла, что удав не съел кролика, а превратил его в женщину. И ей настолько это понравилось – ощущать себя влекущей и желанной, что она уже не могла сказать, что же будоражило сильнее, то волшебство, которое случилось в машине, или эта сладкая патока, которая растекалась в ней сейчас.

– А вот интересно, восточные мужчины танцуют со всеми своими женщинами одинаково или по-разному?

– По-разному, – признался Амир, изящно кивнув и улыбнувшись. – Но, как и у западных мужчин, всегда есть та, с которой танец получится особенным.

Ива и впрямь не была кисейной барышней. Но она пришла сюда не одна и для неё это кое-что значило.

А ещё Ива была прямолинейной:

– У меня уже есть кавалер, – сообщила она.

– Вон тот? – Амир кивнул на сцену, не глядя.

Ива же взглянула, причём неосознанно. Мэтта и Софии на танцполе уже не было: они быстрым шагом направлялись в сторону туалетов, София практически бежала, а Мэтт будто гнался за ней, преследовал, как хищник.

Мэтт знал свою пряжку – Софи будет возиться, а его настроение к прелюдиям не располагало. Он раскрыл её сам, Софи нетерпеливо сделала всё остальное.

Отпечатки её красной помады на самом краешке его белой рубашки и на его коже заводили его так, что он начал стонать в голос, хотя Софи, похоже, разучилась делать то, что так хорошо умела раньше.

– Носом дыши... – не выдержав, приказал он ей, и она, как и тогда, годы назад, мгновенно исправилась.

Мэтт запрокинул голову: вот так он любил, и вот так могла делать только она – Софи из его юности. Ни одна его партнёрша после не умела, не хотела или не могла, потому что дело не в технике, дело в энергии, которая в этом мире достаётся далеко не всем.

– Ты что? Разучилась? – спросил он её, силясь восстановить дыхание.

– Просто делала это только для тебя, идиот!

Софи, всхлипнув, застонала от удовольствия и провела языком до его пупка и направилась было выше, но он её оттолкнул – из её рта исходил запах его семени.

Софи резко задрала платье, готовясь получить свой кусок пирога:

– Надеюсь, ты всё ещё способен больше чем один раунд? Так же, как и раньше? – подёрнула она – всё-таки обиделась, что оттолкнул.

Он был способен, однако вопрос заключался в его желании. В отличие от юности, теперь Мэтт перебирал не только женщинами, но и платформами своих совокуплений. Клуб этот был достойным – кроме прочего об этом говорил и мраморный пол у него под ногами и фальшивая позолота на дверях кабинки туалета, но всё-таки туалета. Нынешний Мэтт сексом в туалетах не занимался.

– Поехали к тебе, – решил он.

– Поехали, – опустила платье она.

Софи упрашивать было не нужно: она знала, на что он способен, главным было – заполучить его на всю ночь.

– Надо вызвать такси, я много выпил.

Мэтт выудил из кармана телефон, но действительно опьянел от выпитого и принятого настолько, что с трудом разблокировал экран.

– Давай я, – предложила Софи.

Она тоже не была трезвой, но степень её опьянения не шла ни в какое сравнение с состоянием Мэтта. Его развезило буквально на глазах. Софи даже испугалась, что такими темпами он в такси отключится.

Однако Мэтт протрезвел сразу, как увидел Иву в холле: похоже, она направлялась к туалету, а теперь упёрлась глазами в Мэтта и застыла так же, как и он. Мэтт совершенно искренне не понимал, как он мог забыть о ней? У него ведь были планы на этот вечер.

У Ивы, как обычно, было всё в порядке с лицом, но вот взгляд... У Мэтта заломило внутри. У него так странно билось сердце, словно трепыхалось вместо того, чтобы стучать нормально. И он как-то сразу кинулся обороняться:

– Что ты смотришь на меня так, будто я тебе что-то должен?

Лицо Ивы не поменялось. Взгляд изменился. В нём больше не было того, от чего у Мэтта пару мгновений назад так щемило под сердцем. И эти её ставшие непроницаемыми глаза, уравновешенность и спокойствие в тот момент, когда он чувствовал себя нагадившим щенком, это её вечное высокомерие и ощущение, будто бы она взобралась на десять ступеней выше его, выдернули из него чеку. Весь этот день и предыдущие несколько лет – всё что он с таким трудом сегодня в себе утихомирил, внезапно поднялось в нём девятым валом гнева, и он обрушил его на невыносимо раздражающую его своим перевесом одноклассницу:

– Ты что, думаешь, ты тут умнее всех? Круче всех, да? Тогда почему ты выглядишь как... как корова, а? Почему никто тебя не хочет и никому ты не нужна со своим выдающимся умом, кроме как одному идиоту, который решился тебя трахнуть из жалости?

По залу раскатывался голос Курта Кобейна из Нирваны:

О нет, это не я!

Мы никогда не теряем самообладание.

А ты сейчас лицом к лицу

С человеком, который продал мир...

Nirvana – The Man Who Sold The World

Маттео Росси никогда прежде не терял человеческого лица, ну за исключением, пожалуй, парочки оргий, в которых он участвовал далеко не на вторых ролях, но то было скорее вопросом нравственности, а вот совесть... с совестью у него до сих пор были хорошие отношения. Не идеальные, потому что однажды он её уже испачкал, и ему самому было от этого неприятно, противно и даже больно, только в то время, когда это случилось, его тринадцатилетняя натура никак не могла это признать. А потом, когда он уже вырос, возмужал и многое о жизни и о себе понял, ему было как-то уже привычно не сдувать пыль с того события.

Мэтт понял, что сказал, только когда слова уже вылетели из его рта. Стоя в зале клуба, заполненного людьми, многих из которых он знал, но никем особенно не дорожил и не обижал, он вдруг понял, что человек, которого он обидел в прошлом, и о чём предпочитал не вспоминать, чтобы не ранить в первую очередь самого себя, стоял перед ним. Только тогда Ива не знала, кто её обидчик, а теперь...

Да, её лицо, наконец, изменилось. Точнее, оно менялось каждую долю секунды, и за эту долю Мэтт видел столько человеческих эмоций, сколько, казалось, не смог увидеть за всю свою предшествующую жизнь. Да, теперь лицо Ивы было живым – он это видел, но лучше бы нет. А

ещё он чувствовал, почти ощущал физически, как они с Ивой разлетаются в противоположные стороны, в разные уголки вселенной, словно после столкновения в космическом вакууме.

Ива, так и не проговорив ни слова, продолжила идти туда, куда шла, и через пару мгновений скрылась за дверью женского туалета. Приди она туда несколькими минутами ранее, событий для неё в этот вечер было бы ещё больше.

У Мэтта вдруг случился рвотный позыв. Такой сильный, что он едва успел добежать до двери в мужской туалет. Его буквально выворачивало наизнанку, что странно, поскольку Мэтта никогда не тошнило даже с самого жуткого перепоя.

Пока его рвало, он думал о том, какие слова ему понадобятся, и есть ли, вообще, такие слова, которые помогут извиниться перед Ивой.

Он умылся, но ему показалось, что от него невыносимо разит рвотой. Тогда он скинул рубашку и вымыл холодной водой голову – это помогло протрезветь, но запах никуда не исчез. Тогда Мэтт набрал полную ладонь мыла из диспенсера и снова вымыл голову, а вместе с ней и свою грудь и даже рот прополоскал. Не помогло. Рвотой несло так же, как и прежде.

Мэтт подумал, что после того, что он сделал, рвотная вонь, исходящая от него, вряд ли уронит его в глазах Ивы ниже, чем он уже есть. Поэтому он оделся, кое-как пригладил волосы и даже пиджак натянул.

Ивы нигде не было видно – он обшарил весь зал. На их столике лежали пятьдесят долларов с той стороны, где она сидела, и Мэтт не сразу понял, что это означает. Потом до него дошло: она никогда не посещала подобных мест и понятия не имела, когда, где и сколько платить. Он схватил купюру и буквально вломился в женский туалет – но и здесь Ивы не было.

Усилием воли Мэтт заставил себя успокоиться максимально, как мог, и приказал себе думать, как Ива. Что бы он сделал, будь он на её месте? Будь он на месте Ивы, после тех его слов ему бы точно потребовалось на воздух.

На крыльце перед клубом никого не было, кроме стоящего неподалёку такси и восточного родственника Бена, стряхивающего с сигареты пепел.

– Она уехала, – доложил тот.

Потом, издав щекой такой звук, каким обычно подводят черту под чем-то окончательно свершившимся, добавил:

– Кто-то сильно её расстроил, а жаль. Роскошная женщина. Рано или поздно на неё наткнётся тот, кто это очень оценит.

Пятьдесят долларов жгли руку так, что отдавало уже куда-то в рёбра. Мэтта бесило всё: этот день, этот клуб, этот мир и этот бородатый брутал с изящными манерами. А ещё ему было больно, так больно, как никогда ещё в жизни. И он не имел представления, что можно сделать, чтобы унять эту боль.

У стоящего неподалёку такси открылась дверь, и из кабины показалась фигура в белом платье:

– Мэтт! Тебя долго ждать? Счётчик!

Мэтт сжал ладонью купюру с такой силой, что, будь она бумажной, а не полиэтиленовой, она бы порвалась, и швырнул в торчащий декоративный куст.

– Слышь, чувак, – обратился он к восточному бруталу. – Можешь ударить? Только не по лицу.

Делая свой заказ, Мэтт заботился даже не о контракте, по которому он через несколько недель должен был торговать лицом в Милане, а о единственном человеке, до которого ему было дело – о матери.

Брутал не спешил с выполнением, а Мэтт только этого и ждал – размахнулся и заехал этому верблюду в челюсть. Тот сразу ожил, и Мэтт получил-таки долгожданную пилюлю прямиком в солнечное сплетение. Его скрутило так, что боль, не дающая ему до этого дышать, сразу прошла, но появилась новая, а к ней он уже был более привычен. Где-то на задворках

сознания, пока Мэтт о кого-то чесал кулаки, и это почему-то был уже не брутальный, слышались крики и оклики, его время от времени пронзала физическая боль, но та душевная, слава богу, уже не душила его.

Мэтт проснулся в три часа пополудни. Мать молча вручила ему пакет со льдом и телефон: от Бена было семь пропущенных, два от агента, три от Софи и ещё кое-кого, к кому он давно потерял интерес.

Мэтт не нашёл в списке вызовов Иву. Открыл их переписку: его короткое «Я подъехал» и её ещё более короткое «Выхожу». Как бы ему хотелось отмотать весь этот чёртов вчерашний день назад и начать всё сначала. Первым делом он купил бы для Ивы красивое платье и цветы. Да, он купил бы огромный букет голубых гортензий и извинился за свой вчерашний нелепый вопрос и написал бы ей сообщение: «Знаешь, я непроходимый осёл. Давай попробуем и посмотрим, что из этого выйдет?». Ива наверняка бы улыбнулась. И он бы многое отдал за то, чтобы увидеть эту улыбку. А ещё, когда она села бы в его машину, он бы ей сказал, какая она красивая. И тоже бы улыбнулся.

Ему потребовалось около часа, чтобы сформулировать фразу:

«Ива, прости меня, пожалуйста».

И ещё минут десять, чтобы всё-таки её отправить.

Но около его сообщения тут же появился красный восклицательный знак «Сообщение не доставлено». Мэтт предпринял ещё одну попытку – итог тот же.

Занесла в чёрный список.

Он глубоко вздохнул. Потом встал и направился на улицу. Путь его лежал к дому Ивы – всего восемь домов вниз, и он на месте.

Пока Мэтт шёл мимо знакомых подъездных дорожек, перед глазами то и дело возникали картинки-воспоминания из детства, и на всех почему-то была Ива. Ива и Бен... единственные двое людей, кроме матери, кто ему не был безразличен.

Кто-то всё-таки вмазал ему по лицу, и контракт в Милане пришлось переносить на месяц. Но ни неустойка, которую теперь нужно было выплатить, ни вопли агента, оравшего в трубку, что отказывается с ним работать, и пусть он теперь выкручивается, как хочет, ни грядущее судебное решение о возмещении ущерба владельцу квартиры, в которой Мэтт даже не жил – ничто не было способно выбить его из состояния полного погружения в кисель. Казалось, за его плечами синим пламенем полыхала его жизнь, а он и не думал смотреть в её сторону. Его волновало только одно: кто откроет дверь. И впервые в жизни у него ни в чём не было уверенности.

– О боже Мэтт, тебя переехал грузовик? – поморщилась Каролина.

– Нет. Ива... дома?

– Ну, тогда это точно был танк из второй мировой...

– Я подрался, Каролина. Можно мне поговорить с Ивой?

– Можешь зайти, если хочешь. Я сделаю тебе зелёный чай со льдом. А Ивы нет.

– Спасибо, чай не нужно. Когда Ива будет?

– Не имею понятия.

– В смысле?

– Она уехала в Калгари.

– Надолго?

– Возможно, навсегда.

– Как это?

– Да как обычно: села на самолёт и улетела.

– Зачем... Почему?

– Однокурсница помогла с работой – в её клинике появилось место, и она порекомендовала Иву. Ива ещё пару недель назад прошла собеседование по компьютеру... то ли Зуб, то ли Зум.

– Зум. То есть, она ещё две недели назад знала, что уезжает?

– Даже раньше знала. Это интервью было только формальностью. Обычно такая рекомендация – это стопроцентная гарантия.

У Мэтта начала уходить земля из-под ног... от хохота. А хохотал он, наблюдая за тем, как собственное гипертрофированное самомнение катится кубарем с бутафорского пьедестала во вполне себе реальную сточную канаву: он так переживал, что Ива, не дай бог, начнёт ждать от него большего... Чего он опасался? Что она влюбится и станет бегать за ним, как собачонка? А у неё, оказывается, были вполне себе чёткие планы на жизнь, как она и говорила, и в них настолько не было для него места, что она даже не удосужилась поставить его в известность о том, что уезжает. Почему? Да потому что ни разу не допустила мысль, что между ними возможно что-то большее, чем одна ночь. А что, если бы это он увлёкся ею? Что, если бы влюбился по уши и не смог без неё дышать?

Мэтт прожил ещё день. А утром снова отправился к дому Ивы.

– У тебя всё в порядке, дорогой? – спросила Каролина, почему-то копируя его мать и свою давнюю подругу Шанель.

– Можно мне позвонить? Иве. Я сглупил, не попросил у неё номер телефона. Свой тоже дома забыл.

– Мэтт, у неё сейчас нет номера.

– Это как?

– Она его отключила перед отъездом. Что-то с ним было не так. Честно говоря, я и сама толком не поняла, что именно, но она сказала, что на днях подключится к новому оператору и сообщит номер, если он изменится, но она надеется, что получится сохранить старый.

Мэтт едва ли снова не расхохотался, уже с трудом веря в происходящее. Похоже, его попросту не желают слышать и аккуратно футболеят. Да, он поступил, как свинья, но разве животное не имеет права извиниться? Если Ива считает себя такой правильной и логичной, почему же не даст ему грёбанный шанс сказать «извини»?

Он разозлился. Потом успокоился. И вернулся к своей жизни.

Тем более, что она уже всю поджидала его дома.

Как только за Мэттом закрылась входная дверь, он сразу заметил мать в одном из кресел гостиной. Плечи её были женственно покатыми от рождения, но сегодня Мэтт чётко видел их понурость.

Мать, по своему обыкновению, широко улыбнулась, но глаза её были... не теми. Мэтт почувствовал беду.

– Сынок, давай я сварю тебе кофе, – как-то наиграно радостно предложила Шанель.

Он согласился и почувствовал, как его голова и шея сами собой норвят втянуться в его же плечи.

– Что-то ты зачастил к Джонсонам, сынок. Ни свет, ни заря, а Маттео уже возле их дома околачивается. Но это и хорошо, – со вздохом заключила она. – Я ведь всегда тебе говорила: эта девочка когда-нибудь сделает тебя счастливым!

О нет, только не это, подумал Мэтт. Хуже момента и представить сложно.

– Ну? Чего нос повесил? Бортанула тебя наша девонька, да? Ну а как ты хотел... время идёт, она умнеет. А помнишь, что ещё я тебе говорила? «Она будет твоей, Мэтт, если ты захочешь». Ну так вот, теперь я снова тебе скажу, но уже с поправкой: «Она всё-таки будет твоей, сынок, но только если ты по-настоящему этого захочешь». Ладно. Сегодня речь не об этом. Я думаю, мой дорогой и любимый сын – дороже и любимее тебя у меня никогда никого не было и не будет – что пришло время поговорить серьёзно... впервые за твои двадцать шесть лет.

– Мам, что случилось?

– Тебе нужно повзрослеть, мой дорогой, – Шанель кивнула на синяк на его лице. – И сделать это придётся быстро. У меня рак, Маттео. Уже давно – четыре года. Я не говорила, потому что планировала тебе сообщить, когда он останется в прошлом. Но пару недель назад выяснилось, что в прошлом всё-таки останусь я. От года до десяти – так они говорят. Опухоль гормонозависима, и точно предсказать, какие препараты будут мне помогать и как долго, нельзя. Такие дела, сынок.

Глава 7. Встреча

Иве пришлось выпить два больших стакана капучино, чтобы заставить свой организм прийти в нужный для фокуса тонус. Работы было полно, как и всегда, впрочем. Приёмная ломилась от пациентов, а у неё ещё было на сегодня три неотложных вызова.

– Луна, я на вызов. В приёмной ничего серьёзного, я посмотрела, ты точно справишься.

– Не беспокойся, я всё сделаю. Только скажи, Каролина не звонила, как он?

– Не звонила. Её смена сегодня ночью будет.

– У тебя же один из вызовов в Порт Муди, да? Так может, ты заедешь в больницу, спросишь, как он? Жив ли?

Луна не знала Маттео Росси лично, но по природе своей была очень сострадающей девушкой, и история спасения Ивой мужчины, которому грозила верная смерть, уже прогремевшая по всем новостям, не давала ей покоя. Она и раньше безмерно уважала подругу, начальницу и хозяйку небольшой деревенской ветеринарной клиники, а теперь и вовсе видела в Иве богиню, отважную Амазонку, способную на любой подвиг.

– Не знаю, посмотрим.

Ива терпеть не могла раздавать обещания, но Луна знала – Ива сделает всё, что в её силах. Она спасёт, если это возможно. И если у неё выдаться свободная минутка, она обязательно заедет в Игл Ридж и узнает, как там спасённый ею мужчина. Луне очень хотелось, чтобы он выжил. Ива столько сил вложила в его спасение! Чего только стоит её каскадёрский номер с железнодорожным переездом! А как она срезала по тротуару возле самой больницы? А эта её изворотливая змея в таком загруженном потоке, что «любой бы растерялся, но только не Ива» – диктор по телевидению так и сказал, пока за его спиной мелькали кадры, снятые то придорожной камерой, то видеорегистратором очередного очевидца.

Ива добралась до больницы Игл Ридж только к семи вечера. Смена Каролины начиналась в восемь, и ей совершенно не хотелось целый час ждать мать.

Она терпеливо дождалась своей очереди и обратилась к дежурной в приёмном покое:

– Привет, Ламисс.

– Привет, Ива. А у Каролины смена только через час. Следующий! – позвала она стоящего в очереди за Ивой.

– Я знаю, – не сдалась сразу Ива. – Мне только нужно узнать, как дела у...

– Ива, ты же знаешь правила. Только члены семьи и родственники.

– О! Это ко мне! – внезапно воскликнул чей-то голос, похожий на колокольчик.

Ива обернулась и увидела Маккензи – та катила тележку для забора крови.

– Я тут уже закончила, – объяснила она Ламисс. – Поднимусь наверх, отнесу в лабораторию образцы, а тележка пусть пока у вас тут постоит?

– Прижми её к стенке возле комнаты триажа, – отозвалась Ламисс, уже повязывая ленту тонометра вокруг руки следующего пациента.

В лифте Маккензи закатила глаза и сообщила:

– Ива, даже я уже знаю, что Ламисс – жуткая зануда. А ты уж и подавно должна это знать! Нашла у кого спрашивать! Даже если бы ты подошла к окошку Брайана, и то у тебя было бы больше шансов на успех.

Ива ничего не ответила. Ей было неудобно, потому что она явно знала о новенькой Маккензи гораздо меньше, чем Маккензи знала о ней. Мать часто повторяла Иве, что её манера не интересоваться людьми (а Ива называла это «обсуждать» людей) когда-нибудь сыграет с ней злую шутку.

– А ты разве не в одной смене с Каролиной? – спросила Ива.

– В одной. У меня сегодня две подряд – девочка попросила заменить. Ну как, девочка: трое детей у неё, старшему девятнадцать, – выпучила глаза Маккензи. – И называй меня Мак – так привычнее.

Они поднялись наверх, и Ива почти с завистью смотрела, как Мак открывает своим пластиковым ключом любые двери – такой же ключ был и у её матери, и обе медсестры больницы Игл Ридж казались Иве посвящёнными жрицами священного больничного храма.

– Я хочу у тебя кое-что спросить, – сказала Мак. – У меня тут такое дело... в общем, моя хаски, кажется, гульнула.

– Так.

– А ей, на минуточку, тринадцать лет, артрит, проблемы с желудком, а всё туда же – бес в ребро. Я даже не знаю, с кем она погуляла – прогрызла дырку в заборе, и вернулась счастливая... с языком на перевес. А теперь еле ходит и, мне кажется, у неё бока начали дуться.

– Когда были последние роды?

– Девять лет назад, и они же единственные.

– Как всё прошло?

– Не очень хорошо, ей тогда помогали, но один щенок всё равно родился мёртвым. А после каждый год у неё ложная щёность да так, что все кишки уже вымотала.

– Мак, собаку нужно срочно стерилизовать, иначе она погибнет.

Мак вздохнула.

– Этого я и боялась. Что, совсем шансов нет?

– Шансы есть всегда, но, судя по тому, что ты рассказала, они очень невелики. Ты должна срочно показать собаку своему ветеринару.

– Ива, у меня нет ветеринара. В последние годы мне это было не по карману.

– А прививки?

– Есть те, что ставили ей как щенку и парочку после.

Ива вздохнула.

– Мы открываемся в девять. Я приеду в половине девятого, чтобы посмотреть твою собаку. Вот адрес, – Ива протянула свою визитку. – Осмотрю твою девочку, сделаем анализы и примем решение. Я постараюсь сделать операцию завтра же, если мы на неё решимся.

– Хорошо. Ива, а сколько это будет стоить?

– Сама операция около трёх тысяч, плюс осмотр и анализы, медикаменты.

– О боже... – сразу поникла Мак.

И Ива снова вздохнула.

– Привози завтра в восемь тридцать. Я посмотрю, и мы решим. Если собаке угрожает смерть, я прооперирую бесплатно.

Ива заметила, что у Мак покраснели глаза.

– Всё будет хорошо. Ты ведь хочешь, чтобы твоя девочка как можно дольше оставалась с тобой?

Мак всхлипнула и втолкнула Иву в помещение.

– Ты очень хорошая, Ива, – шёпотом сказала она. – Он в порядке. Показатели в норме. Получает серьёзные болеутоляющие и седативные. У него сейчас медикаментозный сон, но из наркоза он вышел, всё в норме. Я оставляю вас, у тебя есть пять минут.

Мэтт лежал на больничной кровати, весь обвитый трубками. Его лицо было плохо видно из-за кислородной маски, однако теперь он был узнаваем, невзирая на синяки, отёк и наложенные на скулу и верхнюю часть головы повязки.

От вида вытянутых вдоль его тела неподвижных рук Ива почувствовала подступившую к горлу тошноту. Красной нити плетёного браслета больше не было: очевидно, его срезал и убрал медперсонал – таков порядок. Но кого она обманывала? Приди сюда любая другая однокласс-

ница или даже близкая подруга, ни одна из них не узнала бы в изуродованном теле Маттео Росси. Узнать его могла бы только мать, будь она жива. И Ива.

Ива взглянула на часы: с момента аварии уже прошло больше суток. Целая жизнь.

А у неё ещё было целых пять минут. Ива подошла к окну: за стеклом в полумраке кружили снежинки – в Большом Ванкувере неожиданно пошёл снег.

Однажды, целую жизнь назад, Иве было так плохо и надежда таяла с такой скоростью, что чтобы окончательно не потерять рассудок, Ива загадала: если пойдёт снег, она выживет. С первым снегом ей станет легче, и она выкарабкается. Так и произошло.

Сейчас она себя спрашивала о том, что чувствует. И честно, ничего от себя не пряча, она ответила: любви больше нет, но и ненависти тоже. Она больше ничего не чувствует к нему, к парню, чью жизнь вчера так самозабвенно берегла. Но они связаны, глупо это отрицать. Не стань его, кому она будет доказывать, что нужна этому миру? Пусть он преспокойно проживёт и без неё, но пока она есть, есть и её нужность. Сегодня она спасла телёнка, завтра, возможно, спасёт собаку, а может, и не только её. А сколько ещё жизней в её руках? Даже жизнь Мэтта была вчера. А мог ли он это предположить, когда бросал ей в лицо те жуткие слова, которые так её покалечили?

Ива опять вздохнула. Что-то в последнее время она слишком часто вздыхает.

Она повернулась было, чтобы выйти из комнаты, но наткнулась глазами на... другие глаза. Волосы на её предплечьях и где-то на затылке встали дыбом, по телу прошлась волна мурашек: глаза вполне осознанно смотрели прямо на неё. И они были красными и чёрными. Радужки совсем не было видно – настолько были расширены зрачки, а белки поражены пятнами кровоизлияний.

Ива резко отвернулась. Показалось? Он ведь в искусственной коме. Он не мог взять и прийти в себя в те несчастные пять минут, которые ей выделили на то, чтобы побыть в его комнате.

Когда она снова повернулась к Мэтту, он уже не смотрел на неё: его веки то опускались, то поднимались, здоровой рукой он вцепился в маску и пытался её стащить. Держатели зацепились за повязку на его скуле, частично её отодрав, и он вдруг застонал так, что Иве физически сделалось больно.

– Стой! – вытянула руку она. – Я сейчас позову кого-нибудь и это с тебя снимут! Сам ты себе навредишь!

Выглянув в коридор, она крикнула, что есть мочи:

– Пациент очнулся! Кто-нибудь... – обернувшись на дверь, чтобы найти номер палаты, она крикнула ещё громче, – кто-нибудь, подойдите в пятнадцатый! Срочно!

С минуту спустя толпа медсестёр во главе с двумя дежурными врачами хлопотали над Мэттом. Ему задавали вопросы: «Сколько пальцев? Как вас зовут? Какое сегодня число? Чувствуете ли вы свои ноги?».

На все эти вопросы Мэтт ответил:

– Где я?

Глава 8. Милосердие

– Ива, к нему никто не приходит. У его жёнушки вечная делегация: и мать, и отец, и бабушка с дедом, и сестра и племянники и ещё толпа народу, которого я никогда не видела в лицо, но никто из них к нему ни разу не зашёл!

– Так. А я тут при чём?

– Не знаю, дочь, что там и как, чужая семья потёмки, как говорится, но они, похоже, семьёй его не считают.

– А мы должны?

– Ива, я тебя не узнаю. Если бы Шанель была жива, она была бы там, а так как её нет, мы за неё. Ты и я.

– А что, у него нет другой родни? Как насчёт двоюродной сестры?

– О, ну ты и вспомнила! Так она же в Австралию уехала ещё даже до того, как Шанель преставилась... господи, упокой её душу.

– Ты ей звонила? – обречённо спросила Ива. – Если кроме неё у Мэтта никого больше нет, то она, наверняка, захочет приехать.

– Не захочет. Она на сохранении с третьим лежит – я звонила.

– Пусть мужа пришлёт.

– А кто кормить её ораву будет?

– Ну так он же вроде крутой бизнесмен, для него это, помнится, не проблема.

– Ещё какая проблема. Его жена видит раз в полгода, а уж пары недель для Мэтта у него точно не найдётся. Вот если бы, не дай бог, типун мне на язык, такая беда с тобой приключилась, а меня бы не было, то Шанель бы от тебя не отходила, я в этом уверена...

– Вот именно: Шанель, а не Мэтт.

– Когда у меня не получается, Мак кормит его с ложечки и таскает кефир из иранского магазина, за свой счёт при том, а у неё и так концы с концами никогда не сходятся. Так что давай, не выделывайся и подключайся.

– Мама, я всё понимаю, но мне это неудобно. Поэтому вы уж с Мак как-нибудь сами.

– «Как-нибудь сами» не выходит твоими же молитвами: Мак взяла неделю за свой счёт, потому что прооперированная тобой собачка лежит, а Мак за ней ухаживает. Вот и надо тебе было опять свой нос совать, куда не просят?

– Что и собачку надо было оставить помирать? Ну тогда бы Мак точно неделю отгулов не взяла, для похорон и дня хватило бы. А вообще, ты права, если бы не моя самодеятельность, то и разговора бы этого не было.

– Ива... представь, каково это мужчине очнуться с переломанными ногами и руками, с проломленной головой и дырой в груди, и при этом не помнить ни кто он, ни что с ним случилось, и понимать – а он это уже понимает, поверь – что у него никого нет. Он уже спросил о своей матери, и мне пришлось сказать, что она умерла.

– А о жене, о ребёнке спрашивал?

– Нет, Ива. Не спрашивал. И нет, о ребёнке ему ещё тоже не сказали.

– Как это?

– Вот так это. Скажут, когда время придёт.

У Ивы на пару мгновений перестало биться сердце.

– Знаешь, дочь, это так странно...

– Что именно?

– Ты ведь всегда была такой милосердной, хоть и не очень эмоциональной, жалеешь людей и животных, так сказать, с холодной головой. А к нему почему так жестока – не пони-

маю. Жизнь ему, считай, спасла, сохранила – это молодец. Но ни разу не прийти, не поинтересоваться, как он... а вы ведь так дружили в детстве, а Шанель как тебя любила!

«Шанель, а не он, и я его навещала», – подумала про себя Ива.

– Знаешь, а я ему про тебя рассказывала, как дружили, как бегали вместе, как чёлку он отрезал тебе кривую...

– Зачем?

– Ну, как зачем. Человек ничего не помнит. Надо же ему хотя бы попытаться помочь... Я думаю, ты могла бы. Уверена в этом.

– Что, прям совсем ничего не помнит?

– Нет, не помнит. Он-то и просыпается не часто, но дозировку ему с сегодняшнего дня прилично понизили – слишком уж долго на наркотиках. Значит, будет бодрствовать дольше. Ну и представь, каково ему будет. Обычно в таких делах очень родня помогает, а тут... даже Мак не будет, и я сегодня буду занята на операциях. Он один будет. Наедине со своими ранами и беспомощностью.

– Хорошо. Чем ты его кормишь?

– Там в холодильнике найдёшь чернику – я купила свежую. В тумбочке семена чиа и орехи. Орехи я заранее дозировала по назначению врача. Всё это разбей блендере – том, который у нас для смузи – и отвези ему. Он сам это выпьет. Но я ему обычно ещё тёплый бульон делаю и по ложечке даю – он пока вставать совсем не может, даже подниматься.

Отключив телефон, Ива отправилась в ванную: сегодня вместо пробежки придётся ехать в больницу. После – на работу к девяти.

Увидев себя в отражении зеркала ванной, она заглянула прямо в собственные глаза.

– Почему я думаю о том, о чём не хочу думать? – спросила она у самой себя. – Почему люди так важны, если умирать я буду наедине с собой? Люди – деревья у обочины. Мелькают, пока едешь, а там, в конце пути... вообще, ничего не важно. Он один из многих. Он просто мелькнул в моём окне. Проткнул, правда, больно поцарапал, но не смертельно же, так что, это не считается. Стёб не опасен для жизни, даже полезен, потому что держит в тонусе. Держит всех. И слабых – не фиг зевать, если не хочешь тумачков, и сильных – грех пропускать возможность развлечься. Дорога-то скучная. Мельтешня одна. А в конце – одиночество.

Приблизив лицо вплотную к зеркалу, Ива позволила себе быть искренней, а потому в её голосе отчётливо слышалось отчаяние:

– Ну и почему, блин, мне так... остро? Ведь я еду по дороге, и никто не ждёт меня в конце. Его не будет рядом, когда я стану умирать. Его не будет.

Ива смиренно вышла из дома, и не без грусти взглянув на свою новенькую Теслу, вот уже несколько дней прикованную к одному месту, села в свой старенький, как мир, пикап. Он, того и гляди, собирался развалиться прямо на дороге, но выбора у Ивы не было: все моечные в округе сошлись в одном и том же мнении – обивку заднего сидения никак не отмыть, а только менять. Стоило ей только открыть заднюю дверь, а работнику сервиса увидеть залитое человеческой кровью сиденье, как он тут же начинал мотать головой и твердить, что такие заказы они не делают.

Ива подумала было попробовать отмыть машину сама, но что-то ей всё время мешало. Так и стояла её небесно-кобальтовая Тесла на приколе.

Лицо Мэтта было перекошенным от боли: вцепившись в поручень над головой, он силится приподняться и занять вертикальное положение.

– Стойте! – крикнула ему Ива. – Что вы творите? Вы же сами себя калечите!

Мэтт застыл, услышав её голос. Лицо его выровнялось, повязки на скуле больше не было – рану стягивал специальный полупрозрачный пластырь, но лучше бы он был матовым. От вида раны Ива, принимающая роды у коров, свиней и коз, практически ежедневно штопаю-

щая собак и кошек, почувствовала, как земля уходит у неё из-под ног. Почему-то раньше она об этом совсем не думала, и только теперь вот поняла, что красивое лицо отныне и навсегда изуродовано. Шрам – это, конечно, не конец света, но... Ива ни разу в жизни не признавалась себе в том, что на её скромный вкус у Мэтта самое красивое лицо в мире. А теперь вдруг призналась, что да – он был красив. Был.

Сегодня его глаза выглядели гораздо лучше: кровавое стало просто розовым, чёрное вернулось в нормальный свой размер булавочной головки, а на освободившееся место выступила привычная зелень – глубокий, мерцающий золотом болотный цвет.

Ива решительно подошла ближе, но только она знала, чего стоила ей эта решимость.

– Зачем вы поднимаетесь?

Он смотрел в упор и не думал отвечать.

– Вам нельзя подниматься. Швы ещё недостаточно зажили, могут и разойтись. Вам это нужно?

Он молча опустил плечи на кровать, но продолжил смотреть на неё из-под приопущенных век.

Ива почувствовала, как ускоряется её сердцебиение.

Если бы не амнезия, у её матери не было бы доводов, способных привести Иву к этому человеку, как сильно бы он в ней не нуждался.

– Это завтрак.

Ива сухо протянула высокий пластиковый стакан с жидкой, которой когда-то давно насиловала и себя. Но сочувствия к Мэтту у неё не было.

Мэтт взял его, не отрывая от неё глаз.

– Приятного аппетита и всего хорошего.

Ива дёрнулась, было, к выходу, но путь ей преградила дородная материнская грудь.

– Вот суп – дай ему. Я уже разогрела. О, Мэтт! Не спишь? Привет. Всё хорошо? Я буду на операции часа три-четыре, если, даст бог, на дольше не затянется.

Ива стиснула зубы и вернулась обратно, села на стул, одиноко торчащий около кровати. Дрожь в пальцах мешала ей снять пластиковую крышечку с картонной ёмкости с бульоном, так что пришлось сделать глубокий вдох-выдох, как когда-то в студенчестве перед первыми операциями.

Окунув ложку в бульон, она протянула её Мэтту.

– Я сам... – наконец произнёс до боли знакомый, и до боли другой голос. Он был взрослым, хриплым, каким-то пугающе опытным.

С ложки на его грудь шлёпнулась жирная капля. Они оба посмотрели на место её посадки, правда мысли у каждого были совершенно разные.

– Открывай рот, пока весь суп не очутился на тебе, – резко приказала Ива.

И рот Мэтта открылся как-то сам собой.

Она на повышенной скорости вливала в него одну ложку за другой и старалась не думать о том, что раньше на его груди волос не было. Ну, по крайней мере, когда она видела эту грудь обнажённой в последний раз – а было это лет в пятнадцать на озере – волос на ней точно не было.

Ещё Иве вспомнился случай. Ей тогда было семнадцать, а Мэтту восемнадцать, они не общались и почти никогда не виделись: Мэтт, хоть и был ещё школьником, уже водил машину, а Ива, хоть и являлась студенткой на факультете биологии UBC (Университет Британской Колумбии), ездила на учёбу на автобусе. Дружить они больше не дружили, и даже случайно встречались крайне редко. Тот раз был как раз таким – крайне редким и случайным. У Мэтта была длинная чуть ли не до середины бедра футболка и широченные джинсы, штанины которых нависали над его конверсами и местами касались пыльной дорожки. Он был в наушниках и, казалось, не замечал мир вокруг себя, в том числе и Иву, а она топала следом и любовалась

его затылком. Тогда Ива впервые поняла, что Мэтту очень повезло с волосами: они были благородно тёмными, но не чёрными, и лето высветляло их немного загибающиеся концы, делая их каштановыми, а на самых кончиках и вовсе – золотыми. В тот день Мэтт выглядел так, словно давно не стригся – чёлка почти полностью скрывала его глаза, а волосы на затылке так отрасли, что уже доставали до плеч.

Ива моргнула, чтобы поскорее прогнать видение, ещё торопливее набрала очередную ложку супа и невольно коснулась глазами подбородка Мэтта, который едва поспевал глотать. На нём была приличная щетина.

Его бы побрить... да и голову вымыть бы не мешало, подумала Ива, но решила, что пусть этим займётся кто-нибудь другой.

– Всё, – объявила она и продемонстрировала Мэтту пустой контейнер.

Ива встала, подошла к распределителю на стене, выдернула из него парочку салфеток, вернулась, одним движением вытерла накапавший на грудь Мэтта суп.

– Чего ты такая... худая... Эва?

Сердце Ивы замерло – так называл её только один человек в мире – мальчик Маттео Росси.

Взгляд Мэтта медленно скользил по её телу, и она почувствовала, что у неё потеют ладони. Вслед за ним она тоже опустила на свою грудь глаза, увидела бейджик с собственным именем и выдохнула – прочитал!

Да, он ведь всегда читал её имя неправильно! Просто на итальянском оно произносится как «Эва», и лет в десять он ей как-то сказал, что у неё самое красивое имя – библейское, имя «начало начал», потому что от Евы родились все люди, и как же это нелепый английский язык так умудрился исковеркать такое прекрасное имя и превратить его в Иву?

– Я Ива, – ответила она.

И ушла.

А Мэтт смотрел в след женщине, которую он почему-то знал и не знал, и спрашивал себя, почему у неё такие острые плечи? В голове у него Курт Кобейн пел о человеке, который продал мир. [Nirvana – The Man Who Sold The World].

В последующие два дня, когда приходила Ива, Мэтт спал. В первый раз она тихонечко подошла к его прикроватному столику на колёсиках, бесшумно поставила на него контейнер с жижей и разогретый суп. Затем сбегала к поильнику в коридоре и набрала полную бутылку. Бутылка у Мэтта была с носиком, вместительная и добротная, одна из тех, которые выпускаются специально для тех, кто любит эко туризм – наверное, мать принесла, а может, и Мак – Мэтту было удобно из неё пить, даже не приходилось поднимать голову.

Во второй день Мэтт снова спал, но на столике возле пустой бутылки лежала салфетка с нацарапанным словом «спасибо». Мэтту нечем было писать, поэтому он процарапал его иголкой катетера.

В третий день Ива попала на перевязку. Мэтту приподняли изголовье кровати – наверное, доктор разрешил с этого дня – и ему было видно рану, которую обрабатывали медсёстры. Выглядела она жутковато, заживала явно плохо, хотя после аварии уже прошло почти две недели. Ива задумалась о внутренних ранах – их, в отличие от внешних, видно не было, и как там обстояли дела, неизвестно. Мэтт как-то ел, а ведь у него был повреждён, а потом и прооперирован желудок. Иве вдруг сделалось больно и стыдно, что она так неаккуратно пихала в него суп – возможно, с такой травмой еду нужно было принимать маленькими порциями и не торопиться. Она оставила еду на столике, принесла, как обычно воды, и когда уже выходила из палаты, неосторожно обернулась. Неосторожно, потому что Мэтт смотрел на неё, и выражение лица его было ещё более потерянным, чем когда он смотрел на собственную ужасную рану.

В четвёртый день Иву заменила Мак.

В пятый день Мэтт не спал – ему ещё сильнее подняли изголовье, так что он мог уже полусидеть и даже смотреть в окно. Глаза у него были снова красными, но не так, как раньше. Это была другая краснота – цвет усталости и отчаяния.

Первым порывом Ивы было оставить еду и уйти, но вид у Мэтта был такой страдальческий и потерянный, что она осталась. Уж кому, если не ей, знать, что далеко не всегда человеку нужен горячий суп – иногда необходимо просто с кем-то поговорить.

Ива подошла и села на стул.

– Как самочувствие? – начала она разговор.

– Я тебя чем-то обидел? – спросил Мэтт.

Вот так вопрос. Ива аж растерялась.

– Да не то что бы... а что такое?

– Ничего не могу вспомнить.

Эта фраза была произнесена с глубинной болью. Мэтт при этом неосознанно потряс головой, словно хотел растрясти в ней то, что никак не желало начать работать.

Иве вдруг стало страшно. Это ведь, действительно, жутковато – в одночасье оказаться незнакомым самому себе, и все люди вокруг тебя – тоже незнакомцы.

– Врач говорит, что память вернётся. Нужно просто подождать.

Мэтт кивнул, но как-то очень уж горько.

Ива подумала, что зря ему не рассказали о сыне – сейчас, пока он ещё получает наркотики, ему было бы легче перенести утрату. А что будет, когда препараты отменят и память вернётся? Такой удар может выбить человеку сердце.

Впрочем, Ива сомневалась, что оно у Мэтта есть.

Волосы у него были чистыми, он был побрит – вчера приходила Мак. Ива также заметила, что невзирая на скудное питание и травму желудка, вес Мэтта совсем не пострадал: навскидку, биоматериала в нём было примерно на пятнадцать-двадцать процентов больше, чем семь лет назад.

– Нежные лапки... Я всё думаю, что это означает?

Ива машинально бросила взгляд на свой бейдж.

– Это название клиники, в которой я работаю.

– Я думал, ты медсестра этой больницы или что-то вроде того... – признался Мэтт, кивая на изумрудный костюм Ивы.

– Нет. Я работаю в «Лапках». Я врач, только не для людей, а для животных.

– А... – улыбнулся Мэтт и добавил со вздохом, – жаль.

– Чего жаль?

– Жаль, что я не собачка. Твоя мама утверждает, будто бы мы дружили в детстве, – осторожно сообщил Мэтт.

Ива вначале насторожилась, потом подтвердила:

– Да, это так.

– Расскажи, – попросил Мэтт.

– Что рассказать?

– Что-нибудь о нас.

От этого его «о нас» у Ивы сразу испортилось настроение. Мэтт это заметил.

– Что-нибудь смешное? – снова предложил он, и даже криво, будто сквозь боль, улыбнулся.

У Ивы на мгновение сжалось сердце, и она задумалась: чем именно из всего их прошлого она могла бы с ним сейчас поделиться? В итоге решила придерживаться тех фактов, которые ему уже сообщила мать.

– Ну, нам было лет по... восемь-девять или что-то около того, и в то время тебе нравилась Шинейд О'Коннор.

Мэтт поднял брови и лицо его оживилось. Даже больше того, Ива отчётливо увидела на нём что-то игривое.

– Нет... – хмыкнула она. – Сейчас покажу.

Она быстро забила в поисковик имя и протянула Мэтту свой телефон.

– Это певица. У неё есть одна очень давняя, но знаменитая песня, для которой сняли вот этот клип. Ну и, как видишь, здесь у неё стрижка «под мальчика». Так вот, однажды, ты предложил мне услуги парикмахера. Я, во-первых, не желала расставаться со своими длинными волосами, во-вторых, не сильно доверяла твоему мастерству, а, в-третьих, не хотелось тебя расстраивать – уж больно образ Шинейд запал тебе в душу. Короче, я разрешила тебе отстричь мне чёлку.

Глаза Мэтта расширились. Ива подумала, он настолько захвачен историей, но на самом деле он смотрел на неё: Ива словно на время вырвалась откуда-то или о чём-то забыла, и стала другой.

– Вот... ну и ты очень сильно старался, конечно же. Перед глазами у тебя была Шинейд и её видеоклип – мы кстати делали это под ту самую песню – и ты рубанул мою чёлку, что называется, под корень.

Мэтт, похоже, уже едва сдерживал смех.

– Да, – обречённо согласилась с ним Ива. – Она встала колом, вот так...

Ива приложила ко лбу руку пальцами вверх и добавила:

– Торчала, как забор.

Мэтт не выдержал и начал хохотать.

– Прро-сти! – выдавил он сквозь смех.

– Да ладно. Это ещё что! Потом ты пошёл стричь Бена...

– Бена?

– Ну да, Бена.

И тут Ива осеклась. За долю секунды она поняла, что нечаянно уронила Мэтта в яму, причём не прямо сейчас, а в тот момент, когда не подумала позвонить Бену.

«Наверное, мама права», – решила Ива, – «я стала жестокосердной по отношению к нему».

– Кто Бен? – словно нарочно, спросил Мэтт.

– Твой лучший друг, – ответила она честно.

Не в её правилах было прятаться от своих ошибок. И вот надо же, даже мать не подсказала: «Позвони Бену!». А когда не надо, вечно лезет со своими советами.

Мэтт мгновенно вернулся в своё состояние глубокой подавленности. На губах его остались жалкие ошмётки улыбки, что только добавляло его виду болезненности.

– Знаешь, – сказала Ива, – его здесь нет только потому, что никто не додумался ему позвонить. Я это исправлю прямо сегодня.

И тут вдруг она заметила то, от чего у неё пропал дар речи – Мэтт плакал. Да, у него покраснели глаза, и над нижним веком образовались лужи.

Она опомниться не успела, как он её обнял и с силой прижал к себе. Очень крепко. Схватился, будто за спасательный круг.

Потом он выдохнул – как-то рвано и дребезжаще:

– У меня что, совсем никого нет?

– Есть, – поспешила заверить его Ива.

И положила свои ладони на его спину. Это было её ответным объятием.

– Всё наладится, – добавила она.

Мэтт же чувствовал, что есть что-то большое, что-то плохое и что-то хорошее между ними.

– Ты придёшь завтра? – спросил он, когда она уходила.

Ива кивнула.

Глава 9. Отношения

– В больницу больше не приходи, – тихо процедила в трубку мать.

– Что так? – удивилась Ива.

– Там жена его сегодня такое устроила...

Ива на мгновение перестала дышать, но никак не выдала своего волнения.

– Рассказала ему всё. А главное, как рассказала: проорала. Заявила, будто бы это он виноват в смерти ребёнка. Он и его шлюхи.

Каролина умолчала, что в контексте виновных упоминалась только одна шлюха – Ива, остальные же лишь дополняли гнилую картину жизни её бессовестного мужа козла – Маттео Росси.

– И после её визита... – мать сделала паузу и на выдохе продолжила, – к парню, видно, таки вернулась память, потому что он раскурочил пол палаты. А пока громил всё вокруг и себя сильно повредил – ничего же полностью не зажило ещё. В больнице говорят, ему теперь выкатят кругленький счёт, но есть и те, кто считает, что виновата София – кто ж так сообщает отцу новость о смерти ребёнка? Его адвокат легко вывернет это дело против неё. А она тоже пригрозила судом. Правда, не ему, а тебе, Ива. Кричала, что, мол, придётся ответить за смерть её сына.

И хотя Ива не спрашивала, какое она имеет отношение к смерти, мать добавила:

– Что-то она молола про иск за неоказание помощи. Мол, ты должна была помочь ребёнку, а вместо этого полностью сосредоточилась на Маттео.

Каролина не призналась Иве, как именно звучали те слова из уст Софии, а были они из ряда вон гадкими. София прошла и по умственным способностям Ивы, и по нравственным качествам, в оскорблениях не скупилась, но главное, виновницей детской смерти считала именно Иву, а никак не водителя грузовика, по вине которого и случилась та авария.

– Не бери в голову слова этой дуры, дочка. Неблагодарная она. Ты ей мужа с того света, считай, вытащила, заделают ещё детей, бог даст. Но я бы на его месте бежала от неё, куда глаза глядят, такая мегера и во сне не приснится. И как только мужики живут с такими? Обидно, что хорошие девочки без пары остаются, а самые видные парни достаются таким вот стервозинам. И кто счастлив в итоге? Вон, обкололи всего успокоительными, отключился теперь. А когда проснётся, ещё вколют.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.